

Ева Нагу

МЕСТО

ИЛИ

СЪЕДИНИТЕ МЕНЕ

Ева Наду

Место под Солнцем. Книга первая

«Издательские решения»

Наду Е.

Место под Солнцем. Книга первая / Е. Наду — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839165-1

Любовь и измены, интриги и предательства, взлёты и падения... Что бы ни происходило в твоей жизни — всегда нужно оставаться собой! Этому правилу следуют и Клементина де Брассер — юная дикарка из провинции, неожиданно для всех ставшая женой молодого графа де Лоранс, ловеласа и бретёра, и граф де Мориньер — верный слуга и доверенное лицо Людовика XIV, Короля-Солнца. Принесёт ли им удачу такая верность себе? Спасёт ли от королевского гнева и небесной кары? Что ждёт этих двоих в конце их долгого пути?

ISBN 978-5-44-839165-1

© Наду Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Мориньер	7
Глава 2. Клементина	17
Глава 3. Генриетта	24
Глава 4. Inde irae. Отсюда и гнев	29
Глава 5. Северак	36
Глава 6. Тот или этот?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Место под Солнцем

Книга первая

Ева Наду

Иллюстратор Сергей Захаров

© Ева Наду, 2017

© Сергей Захаров, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9165-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В Пти-Шатле всегда темно. И не то, чтобы комендант сознательно экономил на свечах. Он просто любил этот вечный сумрак, по ночам переползающий в совершенную тьму.

И работу свою – любил. В последнее время, правда, – вздыхал он – дел у него поубавилось. Совсем не осталось в башне арестантов. Два студента и мальчишка. Да и тот, последний, сидит скорее для острастки. Нечего и рассчитывать, что он пробудет тут долго. А больше и нет никого.

Комендант улёгся на старую, продавленную кушетку с сильно обтёртой, местами продранный, обивкой и, ухватив за горлышко бутылку, стоявшую на полу у изголовья, сделал большой глоток.

Совсем недавно ещё Башня была полна. Буйные студенты Латинского квартала, несколько бродячих артистов, старик-сумасшедший, небольшая группа мастеровых-кожевников, попавших сюда за мошенничество. Был даже мясник – огромный, крепкий парень, не раз составлявший коменданту компанию, когда тому приходило в голову отпраздновать какое-нибудь событие. Не пить же одному! А мясник это вино хлебал, ох, как здорово! Крепкий был мужик.

Но гильдия выкупила его – видно, им он тоже был нужен. Артисты и студенты – большая их часть – отсидели своё, да и отправились дальше ноги по миру таскать. Старик умер. Пара оставшихся студентов обвинялась в убийстве, но комендант не очень-то верил в эти глупости. Щуплые, тонкорукые – куда уж им убивать. Самим бы выжить.

А про мальчишку, что сидел теперь в самом низу башни, – и вовсе говорить не приходится. Толку от него не было никакого. Одно беспокойство. Корми его да смотри, чтобы не помер там от страха. Вода по колено, темнота, крысы. Не всякий съедит.

Комендант ещё раз приложился к бутылке. Глотнул разок, другой. Отшвырнул её, пустую, от себя.

Вот если бы он мог стать комендантом Гран-Шатле – вот бы он зажил. Заключённых там – море. И доходы от них, и интерес. Говорят, правда, что молодой король вот-вот вокруг себя начнёт порядок наводить, вот тогда, может, и его тюрьма заполнится. Мальчонка, что сидит теперь здесь – тому хоть и косвенное, но доказательство. Когда это прежде хватали детвору за распространение дурных стишков? Не было такого! Во всяком случае, давно не было. А теперь вот, пожалуйста.

Эти размышления – вполне себе оптимистические, если иметь в виду перспективы, открывающиеся в конечном счёте перед комендантом, – усыпили того довольно быстро. И спал он крепко – как человек, уверенный в том, что живёт не зря и дело делает нужное.

Глава 1. Мориньер

Заканчивался очередной летний день.

Парижане, дождавшись вечера, выдохнули облегчённо – радовались недолгой передышке от зноя. И Мориньер не был исключением.

Вернувшись во дворец после долгого дня, проведённого в городе, он первым делом переоделся. Снял запylённое, пропитанное смрадом улиц, платье горожанина. Облачился в костюм придворного щёголя. Сменил один чужой облик на другой. Этот – хотя бы приятно пахнет.

Для жителей Парижа лето – время не самое лучшее. В городе в жару совершенно нечем дышать. Ограниченные, стиснутые домами испарения, поднимающиеся от земли, не растворяются в пространстве. Зависают над узкими улочками, всё более и более концентрируясь и уплотняясь.

Мориньеру сегодня пришлось целый день вдыхать эти миазмы. Так уж пролёг его маршрут.

Сначала он прошёл по Новому мосту. Смешался с толпой, визжащей от исполненного агрессией удовольствия при виде бледного, но очень громкоголосого юноши с горящим взором и неаккуратно исписанными листками стихов в руках.

Послушал памфлеты – бездарные, но едкие. Усмехнулся: вот они – эти пресловутые «враги государства», чахоточные и злые, с трудом справляющиеся с рифмами, но полные негодования и даже ненависти, питающие этой ненавистью таких же чахоточных и злых.

Постояв в толпе, двинулся дальше.

Прошёл по мосту Менял мимо лавки перчаточника, у которого заказывал перчатки весь двор. Остановился на мгновение у башни Шатле, видевшей нелепую гибель малолетнего сына Людовика VI¹. Потом нырнул в маленькую, открывшуюся на условный его стук, дверь.

В такие дни всюду смрад. В башне – больше, чем где-либо.

Мориньер кивнул вышедшему ему навстречу коменданту. Спускаться к подземным камерам-«бочкам» не стал.

– Приведите заключённого, – сказал коротко.

Вынул из-за обшлага бумагу. Протянул её собеседнику вместе с кошельком.

– И приготовьте его вещи. Он пойдёт со мной.

Комендант не спросил, уверен ли посетитель, что заключённый уже готов к сотрудничеству. Конечно, готов. Кто был там, внизу, тот согласится на что угодно, – даже на союз с дьяволом – лишь бы покинуть проклятые, наполовину наполненные водой, камеры, где ни лечь, ни сесть, ни прислониться к стене.

Пожал плечами только:

– Все его вещи – пачка памфлетов. Стихи этого негодяя – Клода Ле Пти. Вот если бы того сюда на месяц-другой, забыл бы как рифмовать непристойности...

Мориньер усмехнулся. Весь сегодняшний его маршрут был так или иначе связан с именем этого «похабного насмешника».

Ещё в самом начале пути, когда Мориньер шагал по Гревской площади, ему неожиданно пришло на ум процитировать пару строк из «Скандальной хроники...» Клода Ле Пти.

¹ «видевшей нелепую гибель малолетнего сына Людовика VI» – Мальчика сбросила лошадь, напуганная стадом свиней, которые до тех пор свободно бродили по берегам Сены. После этого несчастного случая горожан обяжали привязывать свиньям колокольчики.

«Несчастнейший кусок земли!»² – пробормотал он, когда из-под ног его взвилась стая сизарей.

И этим как будто определил всё дальнейшее течение дня.

Потом было посещение Шатле. Увидев дрожащего от холода и перенесённых испытаний распространителя памфлетов, схваченного неделю назад на Новом мосту, Мориньер кивнул коменданту – да, этот.

Он давно наблюдал за ним. Смышлёный, юркий – мальчишка как нельзя более подходил для того дела, ради которого Мориньер отсыпал сегодня коменданту за освобождение пленника щедрой рукой горсть серебряных эю.

Мориньер мог бы и не делать этого сам, поручить любому из своих агентов. Но он предпочитал не раскрывать без надобности своих связей. Мало ли когда и для чего они могут пригодиться?

Выйдя на свет, мальчишка долго щурился, тёр глаза. Никак не мог взять в толк, что от него требуется. Поняв, что его отпускают, бросился целовать Мориньеру руки.

– Ты очень себе удружишь, если больше не станешь заниматься распространением этой дряни, – сухо сказал Мориньер, отнимая руки.

– Но мне надо кормить мать и сестёр! – горестно воскликнул мальчишка.

– Будешь продолжать – помощь твоя окажется недолгой. Больше предупреждений не будет.

Мориньер внимательно посмотрел на замершего, сжавшего кулаки подростка. Тот молчал. Глядел на вызволившего его из темницы мужчину с отчаянным вызовом.

Мориньер скрыл улыбку – он не ошибся. В мальчишке больше сил и характера, чем можно было ожидать, глядя на его хрупкое телосложение и огромные, ангельски-беззащитные, голубые глаза.

– Ступай домой, – сказал. – Вымойся, приведи себя в порядок. Приходи завтра утром в таверну «Храбрый сизарь». Поговорим.

Позже Мориньера ждала беседа с молодым честолюбивым адвокатом Франсуа Дегре.

В последнее время дела Дегре шли достаточно хорошо. Он успешно защитил в суде интересы нескольких торговцев. И среди горожан средней руки стал весьма популярен. Однако Мориньер видел, что амбиции молодого юриста простираются гораздо дальше.

Дегре был исключительно внимателен к тому, что происходило вокруг него: слушал, смотрел, всегда был в курсе. Не упускал ни малейшей возможности узнать больше – вне зависимости от того, касалось ли это напрямую его профессии и дел, которые он вёл, или нет.

И теперь, сидя напротив и с аппетитом поедая крупного, жирного каплуна, он с готовностью делился с Мориньером информацией.

Сегодня речь снова зашла о последних изданиях «нечестивых» книг. И как тут было не вспомнить Клода Ле Пти – человека, имевшего к написанию, изданию и распространению самой шумевшей из них непосредственное отношение!

«Школа девушек», одним из авторов которой и являлся Клод Ле Пти, изданная несколько лет назад, была почти сразу запрещена к распространению.

² о Гревской площади: Несчастнейший кусок земли! (Дань виселицам воздана!) Законы жизни унесли Раз в сто побольше, чем война. «Скандалная хроника или забавный Париж». Клод Ле Пти

Мишель Милло, перу которого, как считали, принадлежала большая часть страниц книги, был приговорён к повешению. «Если его найдут» – такую славную приписку сделали судьи, понимая, что поймать автора не так-то просто. В случае неудачи было принято решение поместить на виселицу его изображение – что, собственно, и было сделано.

Милло, чьё имущество оказалось конфисковано, скрылся. А Клод Ле Пти, невзирая на запрет, теперь, спустя годы, решил переиздать понравившуюся читателям книгу.

Информацию об этом принёс Мориньеру Луи Пьо-младший – издатель, с чьего доноса и началось то, первое, дело о «Школе девушек».

– Он собирается отпечатать ещё двести экземпляров книги, – шептал Пьо-младший. – Сто пятьдесят экземпляров на обычной бумаге, и ещё пятьдесят – на самой лучшей, для знати.

Сложное финансовое положение, в котором оказался Клод Ле Пти, делало его неосторожным. И теперь, разговаривая с Дегре, Мориньер не стал скрывать от собеседника: если Ле Пти попадётся, суд будет коротким.

– Людовик требует, чтобы оскорбление общественной морали и нравов каралось со всей строгостью. Вы понимаете, что это значит...

– Он хороший парень, – смущённо проговорил Франсуа Дегре, взглядывая в суровое лицо собеседника. – Молодой только. Вольностей ему подавай.

– Вольности теперь не в чести, – усмехнулся Мориньер.

* * *

Мориньер знал о дружеских отношениях, когда-то связывавших двух выпускников Клермонского колледжа, и полагал, что Дегре найдет способ передать его слова Ле Пти.

Клод Ле Пти, как и Дегре, выучился в своё время на адвоката, но в этом качестве не преуспел. Решил зарабатывать на жизнь пером. И довольно скоро стал одним из самых скандальных авторов Парижа.

Мориньер не был ни в коей мере поклонником творчества молодого поэта-либертена. Но он был уверен: если с писателями-памфлетистами и надо бороться, то далеко не в первую очередь.

Начинать надо с тех, кто стоит за всеми этими клодами ле пти. Вероломные и бесчестные, пользующиеся горячностью молодых и пылких, эти невидимые вдохновители народных бунтов распространяют нелепые, опасные сплетни. Волнуют толпу.

Последним, к примеру, был слух о якобы готовящемся повышении налогов. «Десять ливров – за девицу, пять – за новую одежду...» – шептали они тем, кто желал слышать. Разумеется, это была неправда и глупость величайшая. Но глупость, могущая спровоцировать мятеж.

Мориньер был зол. Он устал от городского смрада и бесконечных разговоров. И мечтал провести вечер в одиночестве.

И вот тогда, когда он вернулся во дворец, когда подумал, что – черт побери! – он никого больше сегодня видеть не хочет, именно тогда в дверь его комнаты постучали. Постучали и сообщили, что его величество негодует и требует его к себе.

Причину безграничного недовольства Людовика Мориньер знал превосходно. Да и все знали. И это было нехорошо.

Проходя дурно освещёнными коридорами Лувра, Мориньер думал. Вспоминал.

Не прошло и полугодия с тех пор, как умер кардинал Мазарини, и Людовик, наконец, получил возможность управлять государством по своему разумению.

Когда был жив кардинал, Людовику, номинально давно уже носившему корону одного из величайших в мире королевств, часто приходилось уступать. И мало кто знал, как сильно тяготился он этой унижительной ролью короля без власти.

Знал Мориньер. Догадывался Мазарини.

Нетерпеливое постукивание тонких пальцев по тёмному дереву бюро говорило Мазарини в своё время ничуть не меньше, чем яростный огонь несогласия, вспыхивающий то и дело в глазах юного монарха. Мазарини понимал, что вот-вот наступит момент, который положит конец его, кардинала, фактическому правлению государством. Не желая быть «свергнутым», он сам был готов изменить свою жизнь: собирался принять священнические обеты, чтобы впоследствии попытаться стать папой. Но не успел.

Никто, кроме кардинала и него, Мориньера, и не предполагал, какой мощи энергия таилась в возмужавшем короле, как велико было его желание действовать. Именно поэтому то, что произошло десятого марта – на следующий после кончины кардинала день – так удивило, даже шокировало королевское окружение.

Рано утром Людовик, в сопровождении Мориньера, появился в комнате королевы-матери, где всегда заседал Совет³.

– Идите за мной, сударь, – сказал он Мориньеру. – Мы хотим, чтобы сегодня, как, впрочем, и всегда с этих пор, вы были рядом.

Зайдя в комнату, приветствовал всех холодно, но учтиво.

Члены совета отметили появление чужака-Мориньера. Не проявили неодобрения. Удивились вежливо – вскинули брови, изумлённо наклонили головы.

Услышав первые слова короля, замерли.

– Мы приняли решение! – сообщил Людовик.

Горделиво окинул взглядом присутствующих – прятал за высокомерием эмоции, проявление которых могло бы погубить так тщательно выстроенную им тактику «захвата власти».

– Отныне, – сказал он, – мы будем лично управлять государством. И делать это станем, полагаясь исключительно на себя.

Едва завершив фразу, молодой король распустил Совет.

Это внезапное, по-военному спланированное наступление вызвало шок не только у многочисленных подданных короля, многие из которых видели себя на месте покинувшего свой пост премьер-министра. Сама Анна Австрийская долго не могла вымолвить ни слова. Глядела на растерянных придворных, склонявшихся перед нею и молодым государем. Едва заметно кивала, отвечая на их поклоны.

Людовик же с холодной надменностью провожал взглядом выходящих. Он остановил лишь одного – Луи-Анри Ломени де Бриенна, государственного секретаря в ведомстве иностранных дел.

– Господин де Бриенн, – король демонстрировал непреклонность. – Вам поручено уведомить всех иностранных министров о моём решении единолично управлять государством. И я жду, что они сообщат эту новость своим государям.

К концу монаршей речи де Бриенн успел-таки убрать с лица последние остатки замешательства – заменил их на почтительное внимание. Это вызвало лёгкую улыбку удовлетворения

³ «Им и в голову не приходило, – заметит госпожа де Лафайетт, – что человек мог оказаться совсем непохожим на самого себя и что он, отдававший до сих пор всю королевскую власть в руки премьер-министра, вдруг захочет в своих руках сосредоточить власть короля и премьер-министра».

у Людовика, который, хоть и сумел великолепно разыграть тщательно подготовленную сцену, всё же волновался, как любой человек, вступивший на новую, непроторённую дорогу.

– Государь, вы удивили всех вашим внезапным появлением, – осторожно произнесла королева-мать, когда за последним придворным тихо закрылась дверь.

Юный монарх с царственным видом прошёлся по комнате.

– Вот как, матушка? – вскинул он брови. – Вы полагаете странным, что король, чьей обязанностью, собственно, и является управление государством, вслух объявляет о намерении следовать этому предназначению?

– Но прежде вы всегда советовались со мной, вашей матерью, до того, как принимали столь важные решения.

– Прежде, матушка, волею судьбы я был сначала сыном, а уж затем королём. Теперь же мы, Людовик, сначала – государь, а уж потом – сын. Любящий сын, впрочем, – подсластил пилюлю молодой король.

Анна Австрийская, принуждённо улыбнувшись, коснулась тонкой рукой жемчужного ожерелья.

– Что ж, государь, мне остаётся надеяться, в таком случае, что вы сумеете найти себе советника столь же бескорыстного, каким до сегодняшнего дня была я.

Оглянулась на Мориньера. Тот выдержал взгляд. Только едва заметное движение головы свидетельствовало о том, что он услышал слова королевы-матери и принял их к сведению.

Смущённый, но не готовый отступить, король упрямо дёрнул головой.

– Отныне, матушка, я склонен руководствоваться в делах собственным мнением. Впрочем, будьте спокойны. Полностью отвергать советы компетентных людей я тоже не намерен.

Он распрощался с королевой-матерью быстрее обычного, словно опасался, что длительная беседа с ней сведёт на нет столь красиво выигранную партию.

* * *

И сейчас, остановившись у дверей в кабинет, в котором ждал его Людовик, Мориньер вспоминал всё это не случайно.

Несмотря на огромное желание и величайшие способности к управлению, Людовик по-прежнему не чувствовал себя уверенно. Неуверенность рождала ошибки, осознание ошибок делало короля раздражительным, а порой и несправедливым.

Мориньер понимал, что обретение уверенности – вопрос времени. Оберегал своего короля от неверных шагов, как мог. И теперь, дожидаясь, пока о его приходе доложат, пытался мысленно выстроить предстоящий разговор. Размышлял, о чём сейчас стоит упомянуть, а о чём лучше умолчать.

Когда Мориньер вошёл, король сидел за столом и что-то читал.

Услышав приглушённые ковром шаги, он поднял голову. Нахмурился.

– Где вы пропадаете, сударь? Мы уже битый час ждём вашего появления!

В самом деле, ровно час назад закончился Совет депеш. И сразу по его окончании Людовик послал за Мориньером.

Собственно, он намеревался сделать это ещё до начала Совета. Но эти бесконечные просители... Сначала графиня де Ламотт упала к его ногам, умоляя выслушать её историю. Потом этот де Бриенн...

Вообще говоря, де Бриенн сегодня не совершил ничего предосудительного. Но видеть его Людовику было все ещё неприятно. В глазах придворного ему мерещились одновременно вина и насмешка. Вину де Бриенну король почти простил, но насмешку простить не мог.

Людовик и сам признавал, что в последнее время совершает ошибку за ошибкой. Он слишком несдержан. Он огорчил бедняжку Лавальер. А она этого вовсе не заслужила.

Недовольство собой должно было излиться наружу. Мориньер предоставил для этого великолепный повод.

– Замечательно! Превосходно! – король пристукнул ладонью по столу. – Я запрещаю придворным посещать кабаки и таверны – и что же я слышу? Что «господин де Мориньер является завсегдатаем одной из таверн, расположенных неподалёку от набережной Августинцев»? Как она называется? «Храбрый сизарь»? «Глупая курица»? Отвечайте, Мориньер, какого чёрта вас туда понесло?!

Мориньер едва заметно улыбнулся и склонил голову.

– Для того чтобы владеть информацией, ваше величество, нужно уметь её добыть. А разве не легче всего делать это в тавернах, где выпитое не только ослабляет разум, но и отверзает уста?

– Вот-вот... – король небрежным движением оттолкнул от себя листок. – Очень кстати! И об этом я тоже хотел с вами поговорить, граф. Именно о том, что ваши зрение и слух, кажется, иногда вас подводят. Подумать только, эту гадость мне подал мой брат. С самого утра. Не Лувуа с его секретными сотрудниками. Не вы! – а вы ведь, кажется, уверены, что знаете всегда и всё. А мой братец Филипп! Он, представьте себе, чрезвычайно оскорблён. И требует схватить и повесить всех: тех, кто сочиняет эти стишки, тех, кто их распевает и тех, кто слушает. Всех.

Мориньер подошёл к самому краю стола, подцепил листок двумя пальцами. Прочитал про себя:

«Принцесса Англии в Сен-Клу
Гуляет, тихо напевая:
– Да, порезвиться я люблю,
Но разве я одна такая?
А с графом Сен-Альбан украдкой
Вы занимались, мама, чем?
Как развлекались с моей бабкой
Мазарини, Бекингем?..

Пожал плечами:

– Ваше величество беспокоят подобные мелочи?

– Мелочи?? Вы полагаете, это недостойно нашего внимания?! – голос короля негодуяще взлетел.

Мориньер опустил листок на столешницу и снова отступил.

– Сир, для того, чтобы услышать и записать всё, что поют бродяги в одном только Париже, вашему величеству потребуется удвоить, а то и утроить количество секретных сотрудников. На одном лишь Новом мосту подобные представления длятся дни напролёт. Только к чему это? Если ваше величество позволит, я отвечу...

Он повернулся, подошёл к окну и распахнул его.

– Вы слышите этот гул, сир? Это ваш Париж и ваш народ. Что, как вы думаете, интересует его более всего? Любовные истории?

Мориньер улыбнулся едва заметно, качнул головой:

– Поверьте мне, государь, – он коснулся взглядом оставленного на столе листка, – эта чепуха их только забавляет. Французы любвеобильны и болтливы. Они легко прощают любовные проказы. Но они перевернут страну, возьмутся за вилы и топоры, если им станет нечего есть или им запретят говорить.

Молодой монарх молчал, и потому Мориньер продолжил:

– Ваше величество желает знать, о чём говорят в Париже? при дворе? Спрашивайте! Я расскажу, что не далее как на прошлой неделе ваш брат устроил разнос господину де Гишу за то, что тот однажды... а, может, и не однажды... предпочёл его обществу общества его жены.

– Генриетты? – выгнул бровь король.

– А почему нет? Ваше величество вполне доступно объяснили принцессе, что ей больше не на что рассчитывать. Как изящно выразились ваше величество! «Вы рискнули сделать ставку в опасной игре и проиграли»? Что ж... Принцесса умеет проигрывать. Согласитесь, сир, это не самое дурное качество в женщинах.

– Допустим. Я и без вас знаю немало забавных историй, которые развлекают двор. Но готовы ли вы сказать то же, когда эти истории становятся достоянием простого люда? Имеют ли право члены королевской семьи вести себя так, чтобы их поведение становилось предметом для насмешек?

Мориньер склонил голову, чтобы скрыть улыбку. Людовик сам загнал себя в угол

– Ваше величество желает говорить об этом? Что же... Я готов.

Людовик не желал. Но мог ли он признать, что оказался так недалёковиден?

Он знал, ему не следовало гневаться, когда де Бриенн, встретив в одной из гостиных Луизу де Лавальер, предложил ей позировать Лефевру. Тот искал модель для своего полотна, на котором готовился изобразить кающуюся Магдалену. И Луиза, эта дурочка Луиза, так обрадовалась.

Ему, королю, следовало величественно улыбнуться и позволить ей это маленькое развлечение. Но он изрёк, бросив мрачный взгляд на смутившегося Бриенна:

– Нет, сударыня. Вы слишком молоды для роли кающейся грешницы.

Он не дал ей оправдаться. Отправил прочь:

– Ступайте, – сказал холодно. – Ваши обязанности ждут вас.

Позже, на следующее утро, ему не стоило усугублять ситуацию, позволяя де Бриенну говорить. Ему следовало молча принять извинения и только.

– Я искренне сожалею о том, что вызвал неудовольствие вашего величества и прошу простить меня, сир, за мой необдуманный поступок, – горячо шептал не сомкнувший накануне глаз Бриенн.

Людовик теперь понимал: ему бы молча кивнуть и проследовать дальше. Но он не сдержался, позвал Ломени де Бриенна в свой кабинет и, заперев дверь на ключ, спросил:

– Вы её любите, не так ли? Скажите, вы ведь любите её?

Страсть сделала его глупцом! – Людовик закусил губу.

Когда он услышал ответ, ему надо было улыбнуться и махнуть рукой – ах, эти женщины! одним своим существованием они сводят мужчин с ума.

Между тем он повёл себя, как нашкодивший подросток. Он попросил Бриенна никому не рассказывать об их разговоре.

Стоит ли удивляться, что на следующий день двор хихикал за его спиной, утверждая, что король так пылко влюблён, что потерял чувство юмора и выглядит смешным.

Но самое неприятное, что эта ситуация почти в точности повторяет другую, случившуюся всего пару недель назад. И тогда Мориньер, что стоит теперь перед ним с видом неслышанного прорицателя, тоже качал головой: «Обратите ваш гнев в шутку, государь».

Он отказался.

– Я знаю, что вы скажете сейчас, Мориньер, – махнул рукой обречённо Людовик.

Тот улыбнулся.

– Двор не успевает уследить за сердечными привязанностями вашего величества. Можете быть уверены, что и Оливье де Лоранс, и Ломени де Бриенн отдали бы всё, что у них есть, – и уж тем более то, что им никогда не принадлежало, – лишь бы доставить вашему величеству удовольствие.

– И что бы вы посоветовали теперь? – Людовик заложил руки за спину и прошёлся по комнате.

– То же, что и раньше, ваше величество. Будьте милосердны и щедры. Вы желаете наказать де Лоранса? Накажите так, чтобы все ахнули – как милостив наш король!

– У вас, господин де Мориньер, уверен, уже давно созрела идея, каким образом на этот раз я должен проявить свою доброту, – король вновь уселся за стол.

Мориньер кивнул. Это правда. У него есть идея.

Простая, очевидная идея.

Его величество повелел де Лорансу исчезнуть? Но разве господин де Лоранс опорочил своё имя, проявив трусость? Или Короне не нужны воины? Что за польза, если молодой и честолюбивый мужчина проведёт лучшие свои годы в далёком замке, в одиночестве и забвении? Вынужденное безделье наведёт на размышления, размышления породят недовольство, недовольство родит бунт. Не лучше ли дать всем этим силам *locus standi*⁴? Пусть он растратит свою энергию на поле брани. Новый Свет, к примеру – превосходное для этого место!

– В самом деле, замечательная идея! – улыбнулся король.

Более, чем замечательная, – был уверен Мориньер – потому что его величество может не только даровать Лорансу возможность на деле доказать свою преданность Франции, но и дать ему жену.

Что за жену? О, прекрасную девочку! Прехорошенькую. Она совсем ещё ребёнок, но ребёнок, обещающий превратиться в великолепную женщину. Разве это не лучший подарок настоящему мужчине?

– Что за девочка, граф?

Людовик, кажется, уже забавлялся. Мысль о том, что он вот так, одним движением, избавится от раздражавшего его теперь придворного и обретёт – у него не было причин в этом сомневаться – смелого защитника далёких земель, привела его в состояние почти детской восторженности.

– Говорите, сударь, говорите! Я изнемогаю от любопытства!

Мориньер улыбнулся.

– Одна из дочерей вашего верного слуги – графа де Брассер. Вы должны помнить, сир. Замок Труа. Ночная Гаронна.

Король кивнул:

⁴ *locus standi* (лат) – точка опоры

– Да, припоминаю. И маркиза недавно просила за это семейство. Они ведь бедны, не правда ли?

– Да, сир. Небогаты.

– Ну что же... Тем лучше. Думаю, мы найдём способ их облагодетельствовать.

* * *

Возвратившись в свои комнаты, Мориньер вновь вспомнил последний разговор с маркизой де Монтозье.

Это было совсем недавно.

Сразу после воскресной мессы король, как обычно, совершал благодеяния.

Страждущие, сопровождаемые лекарями в длинных мантиях, ожидали короля у входа в оранжерею – обычное место сбора бедняков.

Людовик раздавал милостыню. То и дело прикладывал ладони к головам больных – ведь королевское прикосновение исцеляет. Дети замолкали под его рукой, матери падали ниц – только излечи, милостивый.

Король был великолепен.

Людовик медленно продвигался сквозь толпу, раздавал улыбки направо и налево. Свита следовала за ним.

Мориньер уже готовился исчезнуть, предоставив остальным продолжать запланированную далее прогулку по оранжерее, когда маркиза де Монтозье мягко взяла его под руку.

– Дорогой граф, не оставляйте нас. Король зовёт всех посмотреть на прекрасный цветок, что зацвёл в его саду. Разве вы не любите цветы?

Она взглянула Мориньеру в глаза.

– Люблю, мадам, – кивнул он с видом притворно-обречённым. – Может, лишь чуть меньше, чем роскошь королевского двора и великолепие придворных дам.

Он улыбался ей от всей души. Маркиза де Монтозье была одной из немногих, кому Мориньер был рад всегда.

Маркиза тонко улыбнулась в ответ, скользнула взглядом по лишённому украшений костюму собеседника:

– Понимаю. Жаль, что мало кто в этом цветнике, – она оглядела окружающих их красавиц, – в состоянии оценить изящество вашего комплимента.

Он засмеялся тихо.

– Напротив, маркиза. Напротив. Если бы я вдруг нашёл в себе смелость просить у Господа чего-либо для себя, я бы просил только одного – пусть так остаётся всегда.

– Ваше исключительное чувство меры меня всегда восхищало, господин де Мориньер, – ответила маркиза в тон. – Впрочем, оставим это. Не согласитесь ли вы скомпрометировать меня, дорогой граф? Я хотела бы поговорить с вами наедине. Слава Богу, в моём возрасте я уже могу просить об этом без смущения.

Она беспечно хлопнула веером по рукаву его камзола.

– Сочту за честь! – он незаметно огляделся.

И легко потянул её на уходящую вбок дорожку.

– У меня к вам просьба, граф...

Они шли вдоль рядов цветущих кустарников. Маркиза тихо говорила, а Мориньер слушал и вспоминал.

Это было во время первого путешествия короля по стране. Тогда совсем ещё юный Людовик посетил опустошённую гражданской войной Шампань, присутствовал в Сансе при

янсенистском столкновении с гвардией папы, после – вступил в переговоры с жителями осаждённого Бельгарда, благополучно разрешив конфликт. И, наконец, добрался с измученной длительным скитанием свитой до Бордо. Там, в замке Труа, на берегу тихой Гаронны, они отдыхали перед ожидающим их долгим возвращением в Париж.

Клементина? Дочь графа де Брассер, де Труа? Ах, вот что! Крестница маркизы!

Его услужливая память мгновенно извлекла из бесконечного вороха воспоминаний тоненькую фигурку девочки лет шести-семи, в чересчур лёгком для прохладного вечера платье.

Она стояла на ведущей к дому дорожке, сучающе ковыряла носком туфельки землю.

Приём короля – дело непростое. Неудивительно, что все забыли о ней, маленькой девочке с огромными глазами.

Заметив его, стоявшего в тени раскидистого дерева, она подбежала, задрала голову, разглядывая. Он помнит, как долго они смотрели в молчании друг на друга.

– Вы очень смешной, мессир, – сообщила она, наконец. И рассмеялась.

Мориньер улыбнулся, вспомнив забавный разговор, случившийся меж ними.

– Уже в семь лет она обещала стать прехорошенькой, – заметил.

– Она сдержала обещание, – ответила маркиза. – Но у бедной девочки нет никаких шансов в той глуши найти себе мужа достойного её красоты и... ума. А ведь семья её так предана его величеству.

– Я подумую, что можно сделать, – ответил он тогда.

Что ж... Сегодня пасьянс сложился.

Девчонка оказалась как нельзя кстати. Превосходная замена для жаждущего утешения влюблённого олуха. Если она и в самом деле так хороша, как говорит маркиза – тем лучше: тем скорее утешится де Лоранс и тем меньше у него будет поводов роптать.

Не то, чтобы де Лоранс представлялся Мориньеру человеком опасным, но он молод и вспыльчив, а в провинции сейчас и так неспокойно.

Возвращение домой негодующего хозяина могло только усилить волнения.

Глава 2. Клементина

Появившийся на дорожке юноша испугал козулю, кормившуюся из рук девушки.

Животное отпрыгнуло в сторону, замерло, задрало голову, будто принюхиваясь. Стояло так, подрагивая кожистым носом. Подёргивало шкурой, пружинило тонкими ногами. Ещё немного – и бросится прочь.

Девушка нахмурилась притворно, надула губы.

– Ну, что тебе тут нужно, Шарло́?

– Матушка послала за тобой, дорогая сестрица, – ответил, подходя. – А кто ещё, кроме меня, мог бы быстро найти тебя? Не выдавать же было твоё убежище слугам?!

Клементина улыбнулась.

– Я бы не простила тебе этого! Никогда.

Шарль присел на ствол поваленного дерева рядом с сестрой.

– Вот именно, – засмеялся. – Так что не бурчи. Я и так сделал всё, что мог!

– Ну, да! Напугал Наяду, например!

Она залепетала что-то, зацокала языком, стараясь вновь привлечь к себе козулю. Та постояла, посмотрела на рассевающуюся на стволе парочку, мотнула головой и одним прыжком скрылась в осиннике.

– Ты напрасно приваживаешь её, – пожал плечами Шарль, проводив взглядом животное. – Я всегда тебе об этом говорю. Привыкнет к людям – первой попадёт под выстрел.

Клементина испуганно взглянула на брата.

– Отец не станет стрелять в неё.

– Намеренно – не станет. Но всякое может случиться на охоте. Идём, тебе ещё бог знает сколько времени понадобится, чтобы привести себя в порядок.

Он критически оглядел сестру, схватил её за руки, взглянул на ладони. Захохотал.

– Ну, кто бы сомневался? Ты как всегда, чумаза, как трубочист!

– А ты, как всегда, громогласен, как трубы Иерихона, – парировала Клементина. – Ты так вопишь, что даже птицы замолкли на деревьях.

Она внимательно посмотрела на свои ладони и тоже рассмеялась:

– По моим рукам можно прочесть историю всего моего дня.

Юноша кивнул:

– Да, моя дорогая, боюсь, тебе снова влетит от тётушек. Они терпеть не могут, когда что-нибудь, попадающее им на глаза, небезупречно. А твои руки даже я не могу назвать безукоризненными.

– О, Шарло́, не будь занудой. Это ведь и правда забавно, – она пальчиком коснулась одного из пятен на своей ладони. – Вот, например, – смотри и завидуй! – прямое свидетельство того, что сегодня я лакомилась земляникой. Там, на холме, её столько, что шагу сделать невозможно, чтобы не наступить... Ты тоже мог бы составить мне компанию, если бы не вредничал с самого утра. А вот эти линии – погляди! – расскажут тебе о том, что я собирала траву для своей Наяды. Чуть не порезалась...

– Весьма дурацкое занятие, моя дорогая, весьма дурацкое, – заметил братец с тихим смешком и прихлопнул ползущее по колену насекомое. – Наяда твоя вполне обошлась бы без твоей помощи. Вон сколько травы вокруг! Ты, приходится признать, глупа, моя дорогая сестрица!

– Это ты глуп, Шарль. Это занятие приносит мне удовольствие.

– Ага, – снова схватил её за руку юноша, поддёрнул кверху рукав, обнажая свежую ссадину, – а вот эта царапина определённо указывает на то, что сегодня, как обычно, ты полдня провела на одном из столь любимых тобой деревьев. Счастье ещё, что ты не порвала, как в про-

шлый раз, платье. Иначе матушка устроила бы тебе хорошенькую взбучку. И я не стал бы тебя на этот раз защищать.

– Ладно, довольно, – Клементина отдернула руку, спрятала её за спину. – Говори! Зачем я понадобилась матушке?

Шарль ещё некоторое время испытывал терпение сестры: рассматривал на просвет сорванный им лист, вынимал из спутанных волос Клементины несуществующие соломинки, лениво отряхивал абсолютно чистые панталоны. Потом, посчитав, видимо, что молчал достаточно долго, заговорил:

– К нам пожаловали... пожаловали... Ну, попроси меня ещё разок!

Засмеялся, уворачиваясь от шлепка.

– ... маркиза де Монтозье с супругом. Ну, что ты дерёшься, Клементина? Я не так уж и тянул с новостью! Ты ведь не откажешься повидать крестную? Она утверждает, что очень по тебе соскучилась. И, кажется мне, она приехала не просто так. Очень уж многозначительный вид был у маркизы в тот момент, когда она спрашивала о тебе.

– На что это ты намекаешь?

– Напекаю? Хорошенькое дело! Да я который год только и мечтаю, – дожидаться не могу, – когда же родители выдадут, наконец, тебя замуж! – засмеялся, позволяя себя стукнуть. – Только где ж тебе, страшилище такой, тут найдёшь жениха? Какой мужчина согласится взять замуж замарашку, все дни проводящую в лесу? Будь даже у родителей возможность дать за тобой приданое побольше – и то не уверен, что появился бы желающий связать с тобой жизнь. Одна надежда – на крестную!

Схлопотав ещё парочку ударов, обхватил сестру за талию, закружил её на месте.

– Сколько ни дерись, правда остаётся правдой! Тебе пора замуж! Но даже если я ошибаюсь, и сегодня мне не удастся сбить тебя с рук, все равно нам стоит поторопиться. Маркиза – кладёшь презанимательнейших историй. И, я уверен, ты огорчишься, если мы не поспешим.

Ведь тогда ты рискуешь пропустить одну из них. И, как знать, не окажется ли она самой интересной.

Он легко потянул за собой девушку.

Они побежали по тропинке, ведущей к замку, то и дело спотыкаясь о торчащие из земли корни деревьев, забыв, что одному почти исполнилось девятнадцать, а другой – шестнадцать.

* * *

Добравшись до замка, Клементина незаметно проскользнула в свою комнату. К удивлению старой няни, она без напоминаний умылась и попросила привести в порядок растрепавшиеся на прогулке волосы.

Пока нянюшка возилась с причёской, Клементина возбуждённо ёрзала, не в состоянии дожидаться, когда вновь обретёт свободу.

Ей не терпелось поскорее увидеть маркизу. Та всегда была так добра к ней!

Жюли де Монтозье наезжала в замок Брассер не часто, но достаточно регулярно. Отец Клементины, который, как говорили, поначалу с насторожённой отнёсся к желанию супруги просить свою давнюю подругу по пансиону, маркизу де Монтозье, стать крёстной их дочери, впоследствии не раз признавал свою неправоту. Несмотря на разницу в положении, маркиза была начисто лишена высокомерия. И она, и её супруг оказались людьми чрезвычайно приятными. И всякий их приезд был для хозяев замка Брассер праздником.

И теперь, сидя на табурете перед нянюшкой, Клементина слушала доносившиеся снизу женские голоса и раскатистый мужской смех и улыбалась.

День обещал быть приятным.

Едва нянюшка закончила возиться с её волосами, Клементина подскочила, чмокнула старушку в щёку и выскочила из комнаты.

Пронеслась по шатким, скрипучим ступеням, влетела в зал.

– А вот и она, – отец поднялся ей навстречу, добродушно посмеиваясь. – Рад так скоро увидеть тебя, моя малышка.

Он подтолкнул её к гостям, и Клементина, грациозно тряхнув кудрями, присела перед ними в приветственном реверансе. Едва выпрямившись, бросилась маркизе на шею.

Матушка нахмурилась, с трудом удерживаясь от желания укорить дочь за несдержанность. Промолчала, увидев, как просияло лицо маркизы де Монтозье.

Та обняла Клементину, потом отодвинула на расстояние вытянутой руки, взгляделась в довольное, раскрасневшееся личико крестницы.

– Ты похорошела, моя девочка, – маркиза ласково коснулась рукой волос Клементины. – Стала совсем взрослой. Отразилось ли это на твоих увлечениях?

Несмотря на светский тон дамы, Клементина безошибочно уловила звучащую в голосе иронию.

– Боюсь, что нет, мадам. Я не знаю пока ничего, что оказалось бы для меня интереснее моего леса, моих деревьев и моих животных.

– Это временно, моя дорогая, – Клементине показалось, что маркиза вздохнула. – Это временно.

Она провела нежно по щеке девочки.

– Присядь рядом со мной, милая.

Клементина с готовностью опустилась на табурет рядом с крёстной.

Маркиза взяла её за руку. Снова заговорила. Стала рассказывать о дворе – загадочном и великолепном. Говорила и тихонько гладила девочку по ладошке. Клементина восторженно слушала. Она была так поглощена рассказом, что не сразу заметила знаки, которые делала ей матушка. В какой-то момент, расслышав, наконец, тихое покашливание, она взглянула на мать. Та покачала головой, сомкнула пальцами свои губы – дескать, неприлично сидеть с раскрытым ртом, дорогая.

Клементина смутилась, покраснела.

Перевела взгляд на каменные плиты пола. Солнце вызолотило их длинными широкими полосами. Добравшись до расположившейся в кресле гостьи, лизнуло край платья маркизы, замерло, улеглось в ногах.

В зале царила приятная прохлада. Мужчины пили вино из поднесённых слугами кубков. Женщины разговаривали.

За спиной у матушки о чём-то спорили сестры. Матушка шикнула на них раз... другой. Наконец, выставила девочек за двери.

Клементина глядела, как кружатся пылинки в снопе света, падающем через окна. Слушала рассказ маркизы. Улыбалась. Вспоминала, как давно, когда ей было около девяти-десяти лет, крёстная подозвала её к себе, коснулась пальцами её подбородка, заглянула в лицо.

Сказала:

– Никаких сомнений быть не может: с такими глазами эта девочка вмиг завоюет двор.

Отец, услышав слова маркизы де Монтозье, вздохнул – Клементина не поняла почему.

Но сразу, как только её отпустили, бросилась в комнату матери, долго смотрелась в зеркало – что там у неё с глазами?

Наблюдая за тем, как растёт и хорошеет его старшая дочь, граф де Брассер, действительно, частенько вздыхал. Он не знал ни одного жениха округ, достойного руки его дочери. И дело было не только в бескрайней отцовской любви. Клементина, в самом деле, заметно выделялась среди ровесников – детей соседей-дворян. Она была необычайно энергична и сообразительна. Выпросив у отца разрешение бывать на занятиях, которые вёл для её старшего брата старый иезуит, отец Боферá, с давних пор живущий в их доме, Клементина быстро научилась читать и считать. Когда девочка начала вместо лентяя Шарля выводить буквы, – одна другой лучше – старик-учитель, покачав головой, выделил ей отдельное место, поставил перед девочкой чернильницу, положил лист бумаги.

Что ж, если господин граф не возражает... Хотя сам он не одобряет этих новомодных глупостей. Совсем не одобряет! Кто это придумал – обучать грамоте женщин?

Так Клементина и росла. Пока было желание – училась с братом. В остальное время дикаркой носилась по лугам, рыскала с деревенскими детьми по округе, лазала по деревьям, собирала орехи и ягоды.

У графа де Брассер не было достаточно средств, чтобы дать детям хорошее образование. Да и не каждый из его детей, говоря откровенно, имел склонность к наукам.

Старший, Шарль, был драчуном и повесой. Единственное, чем он занимался с удовольствием – фехтованием. Проводил со шпагой в руке дни напролёт. Он мог бы стать неплохим воином, если бы графу де Брассер достало средств приобрести для сына место в полку. Пока же Шарль болтался без дела дома. Задирал младших сестер и брата. Только Клементину оберегал и защищал, только её достаивал своей дружбы. Возможно, думал граф де Брассер, дело было в том, что они оба были сильны характерами. И в этом смысле друг друга стоили.

Средний сын, Луи-Анри, был помягче нравом. Он привык жить в тени старшего брата. Приноровился. Старался ссор с Шарлем избегать и на рожон не лез. Но граф де Брассер видел, – специально наблюдал! – когда терпение мальчика иссякало, он дрался, как тигр. Победить старшего брата ему не удавалось. Но и пощады он не просил.

Шарль усмехался снисходительно. В драке – на кулаках ли, на шпагах ли – он был без сомнения сильнее. Прижав брата к стене, коснувшись острием шпаги его одежды, смеялся: мал ещё – драться со мной. Удостоверившись, что победил, отпускал.

Граф де Брассер ждал, когда Луи станет жаловаться. Так и не дождался. Это радовало его, несомненно. Мальчик, хоть и не воинственен по природе своей, но горд и честен. Всё так. Но в плане обучения Луи тоже не хватал звёзд с небес. Он был учеником средним. Учился неплохо, но без желания.

Две младшие дочери, сестры Клементины, росли обычными девочками. От них ничего особенного не требовали, они ничего особенного из себя и не представляли. Хорошенькие – в меру. Смышлёные – умеренно. Мать учила их шить и вышивать. Они отдавались этим занятиям без усердия, но и не отлынивали. Делали что должны.

О младенце, что сучил теперь ручками-ножками в своей колыбели, и говорить нечего. Подрастёт – станет понятно, что от него ждать.

А пока что, следовало признать, что учить наукам имело смысл только двоих из семейства – Клементину и Луи-Анри. И то последнего – скорее за компанию с сестрой.

* * *

Граф де Брассер взглянул на дочь, сидевшую подле маркизы де Монтозье. Улыбнулся незаметно.

Клементина, его Клементина, теперь внимательнейшим образом вникала во все придворные сплетни, которые так весело живописала их гостья.

Вздыхнул – ей, маленькой дурочке, кажется, что не может быть ничего более прекрасного, чем жизнь при дворе. Ох, как же скоро она разочаровалась бы, узнав, что такое двор на самом деле.

Но в одном маркиза права: его дочери пора замуж.

Увидев, как расширились от удивления глаза Клементины, граф вслушался в слова маркизы де Монтозье.

Клементина, в самом деле, слушала крёстную со всем вниманием.

– Его величество, – говорила маркиза, – кажется, всерьёз влюбился. Принцесса Генриетта, в чьей свите находится новая избранница короля, вот-вот отойдёт на второй план. Понимание этого, естественно, не добавляет принцессе очарования. Новая избранница к тому же не так хороша, как должна бы. Но сердце его величества так же мало прислушивается к голосу рассудка, как и сердца остальных смертных.

Мари-Анн всплеснула руками:

– Вы говорите, дорогая Жюли, король влюбился? Но как же королева?

Жюли де Монтозье снисходительно улыбнулась, и Клементина не поняла, относилась ли эта улыбка к наивности матери или к неудачливости королевы.

– О, королева ждёт наследника. Она и прежде была не слишком хороша, а уж теперь...

Маркиза де Монтозье усмехнулась, заметив горячий интересом взгляд Клементины. Заключила:

– Король влюбчив, Мари. Её величеству приходится с этим мириться.

Клементина слушала.

Ей представлялся чудесный мир, где царили неведомые, удивительные, невероятно привлекательные нравы. Там обитали красивейшие женщины Франции и галантнейшие кавалеры – такие, каких могло только представить её разгорячённое воображение.

Она вспыхнула от радостного удивления, когда вдруг в разговор вплелось её имя, странным, непредсказуемым образом соединённое с именем совершенно неизвестного ей Оливье де Лоранса. Нарисованный маркизой портрет показался Клементине весьма привлекательным.

Что за беда, что он, по существу, отсылается прочь за слишком «живой нрав». Кажется, так выразилась крёстная?

Маркиза говорила что-то об увлечении азартными играми, о чрезмерной проворности шпаги и о чём-то ещё, что, несмотря на бесконечное внимание, с которым Клементина вслушивалась в слова маркизы, всё же ускользнуло от её понимания.

– Уверяю вас, партия эта – весьма недурна, – произнесла маркиза де Монтозье. – Оливье де Лоранс богат и знатен. Он и сегодня, несмотря на последние события, считается при дворе весьма выгодным женихом. К тому же, граф, если вы воспользуетесь моим советом, вам будет гораздо проще добиться от короля снижения бремени налогов. Кроме этого, у вас ведь есть ещё мальчики, которых стоило бы определить на военную службу.

– Всё так, маркиза, – граф де Брассер тяжело вздохнул. – И я благодарен вам за участие в судьбе нашей дочери, но... как я могу жертвовать Клементиной ради блага других своих детей?

– Жертвовать?! – Жюли де Монтозье рассмеялась. – Откуда этот драматизм, мой дорогой?

Она обернулась, взглянула на мужа. Тот пожал плечами – ох, делайте что хотите!

Маркиза де Монтозье выпустила руку Клементины, встала. Подошла к графу де Брассер. Он поднялся ей навстречу.

Маркиза коснулась пальцами обшлага его рукава:

– Я говорила с одним человеком... Вы ведь помните, что у вас есть при дворе должник? – она заглянула в глаза графа де Брассер.

– Вы забыли! – упрекнула шутя. – Не следует забывать тех, кто может быть вам полезен, милый граф!

Он недоуменно поднял брови. Услышав пояснения маркизы, засмеялся:

– Так мальчик сохранил своё положение?

– Сохранил и укрепил. Я говорила вам, что он далеко пойдёт.

Улыбнулась, возвращаясь к прежней теме:

– Так вот я беседовала с ним, и он уверил меня, что, как только гнев нашего короля утихнет, господин де Лоранс сможет вернуться во Францию. Если, разумеется, пожелает.

Граф де Брассер нахмурился.

– А он захочет, – засмеялась маркиза, – непременно захочет. Как бы ни был смел господин де Лоранс, он человек двора. Уверяю вас, граф де Лоранс найдёт способ сделать так, чтобы его величество сам призвал его обратно. А если не найдёт, я снова обращусь к господину де Мориньеру за содействием. Он не откажет мне.

* * *

Когда солнце, наконец, перестало палить, гости решили прогуляться по саду. Матушка, подхватив подругу под руку, повела её смотреть свой райский уголок – маленький клочок

земли, где она выращивала пряности к столу. Разомлевшего маркиза де Монтозье перспектива прогулки совсем не прельщала. Он притворился, будто задремал в кресле. Остальные сделали вид, что поверили. Оставили гостя отдыхать в зале.

Клементина тоже собралась было отправиться вслед за женщинами, но отец остановил её. Когда матушка с крёстной вышли, сказал:

– Иди за мной, дитя моё.

Она вошла в полутёмный кабинет с некоторой опаской. Ждала по старой детской привычке, что её станут бранить за какой-нибудь проступок.

Но отец не выглядел сердитым, скорее наоборот, его лицо выражало озабоченность и даже как будто некоторое смущение.

– Заходи, Клементина. Заходи и садись, – он указал рукой на кресло. – Сядь, девочка моя. Мне надо с тобой поговорить прежде, чем я окончательно приму решение.

Клементина смотрела на отца с удивлением.

Он долго говорил глухим от волнения голосом, а Клементина слушала, старалась не дышать.

Наконец-то! Она так счастлива! Конечно, она хочет выйти замуж за этого блистательного молодого человека. Да, она слышала, что говорила маркиза де Монтозье. Нет, её не пугает путешествие в дальние страны. Напротив, она желает этого. Она готова поехать куда угодно! В Новую Францию? Замечательно! Она хочет, очень хочет увидеть другие земли, полные неожиданностей и тайн. Нет, она не боится. Чего ей бояться? Ведь она будет не одна! С ней будет муж. И, она слышала, крёстная обещала, что она сможет вернуться, когда пожелает.

Она не понимала, о чём печалится отец.

Он говорил:

– Я желал бы для тебя многого, но дать могу только то, что могу.

А она думала – о чём тут переживать?

Разве могла она надеяться на такую удачу? Что она видела до сих пор? Дом, лес, реку? Монастырь полный скучных, занудливых наставниц? А теперь она увидит мир! Разумеется, она рада! Тем более что это поможет родителям поправить их пошатнувшееся материальное положение. Ведь Шарль тогда сможет попасть на военную службу, а он всегда об этом так мечтал!

Когда отец замолчал, она воскликнула:

– Да-да, конечно! Конечно, я согласна! Только, отец... Я очень вас прошу, когда я уеду, позаботьтесь о моей Няяде!

Граф де Брассер покачал головой – о какой ерунде беспокоится эта маленькая дурочка!

Глава 3. Генриетта

Когда Генриетта вспоминала, как обошёлся с ней король, она с трудом удерживала злые слёзы. Но она знала: выказывать слабость ни в коем случае нельзя.

В минуты отчаянья она просто сжимала зубы и опускала глаза.

Генриетта помнила – не умела забыть – тот день, когда король сказал с жестокостью в голосе:

– Не время сетовать! Вы рискнули сделать ставку в опасной игре и проиграли.

Да, она проиграла. Да и кто бы мог подумать, что эта нелепая деревенщина, эта слезливая хромоножка-Лавальер сумеет очаровать короля! Посметь превзойти её – Генриетту, внучку Генриха IV!

Принцесса взглядывала в зеркало, и лицо её делалось высокомерным. Разве можно сравнивать её – великолепную, яркую – с этим ничтожеством?

Генриетта навсегда запомнит тот день.

Это правда, она упрекнула короля. Взъерошила шелковистые волосы своего царственного любовника, попеняла нежно на то, что он лишает её своего монаршего внимания, отвлекаясь на эту глупую девицу, не стоившую его мизинца.

Она рассчитывала на его раскаяние. Ждала привычной нежности. Получила отповедь:

– Вам ли укорять меня, принцесса? Разве не вас застал я недавно в объятиях этого несносного мальчишки – графа де Лоранса?

Людовик дёрнул головой, сбросил её руку.

– О чём вы говорите, сир? – воскликнула возмущённо.

Она хотела сказать, что Оливье де Лоранс – просто красивый юноша. Один из многих. Он радуется её присутствием, как радуется певчая птица в клетке, собачка на коленях, колье на шее. Одной красотой. Но как можно сравнивать? Как можно?!

Она желала оправдаться. Но король не дал ей такой возможности. Вышел, хлопнув дверью. И только позже она поняла, что этот демарш был, скорее всего, манёвром, целью которого было переложить на неё вину за их разрыв.

Сначала она расвирепела и чуть не испортила всё демонстрацией своей ярости. Но удержалась, слава Богу. Утерпела. Поразмышляв, решила, что не все ещё потеряно. Им было так хорошо вместе. Он не может, думала она, так быстро всё позабыть.

Когда через несколько дней Людовик вновь явился в её комнаты, она приготовила для него нежнейшую из своих улыбок.

* * *

– Король! Король идёт! – шёпот, пронёсшийся в толпе придворных, был сродни крику.

Во всяком случае, в нескольких смежных с покоем принцессы комнатах, не оказалось никого, кто не услышал бы и не принял во внимание этого предупреждения.

Кавалеры отодвинулись от своих дам. Музыка смолкла на мгновение. Будто сделала вдох-выдох, чтобы заиграть снова, с ещё большим пылом. Стихли смешки.

Когда Людовик появился на пороге, внучка Генриха IV одиноко восседала на высоком стуле. Придворные расположились поодаль. Никто не хотел быть изгнанным, как это произошло недавно с любимчиком принцессы – графом де Лоранс.

Оливье де Лоранс тоже был ещё здесь – отверженный и злой, обрученный по воле короля с никому не известной провинциальной девицей. Придворные Генриетты отказывались гадать, что это была за особа. Очевидно, что она того не стоила.

Уже через два дня граф де Лоранс должен был проделать долгий путь на юг, чтобы встретиться с невестой, а потом такой же – до побережья, чтобы на корабле, отплывающем в Новый Свет, покинуть Францию.

Войдя в комнату, Людовик окинул холодным взглядом присутствующих. Нахмурился, встретившись взглядом с графом де Лоранс. Отвернулся, когда тот склонился, приветствуя его величество. От внимания Людовика не ускользнула усмешка, притаившаяся на губах придворного. Король сделал вид, что не заметил её.

Сегодня он уже не гневался. Более того, сегодня, когда мысли и сердце его занимала другая женщина, он мог... он готов был простить этого молодого наглеца. Он собрался было даже явить ему свою милость – разрешить остаться при дворе.

Поутру, стоя у зеркала и позволяя себя одеть, Людовик улыбнулся своему отражению. Залюбовался собой – как он величав! Представил, как обрадуется граф, услышав, что прощён. Но через несколько мгновений – за то короткое время, пока придворные застёгивали алмазные пряжки на его туфлях – передумал. Решил, что его милость может быть неправильно расценена. Он, король, не имеет права выглядеть слабым, – подумал. И оставил всё как есть.

Едва Людовик появился в дверях, принцесса поднялась ему навстречу. Не дойдя до его величества нескольких шагов, изобразила низжайший, почтительнейший из реверансов.

– Добрый вечер, брат мой, – проговорила тихо. – Я так счастлива видеть вас у себя.

– Боюсь, принцесса, ваши представления о положении вещей несколько ошибочны. Здесь вы у меня в гостях.

Безмятежность, царившая в этот момент на лице монарха, усилила жестокость его слов.

Генриетте пришлось призвать на помощь всё своё самообладание, чтобы выглядеть так же спокойно и умиротворённо. Она сумела улыбнуться с нежностью. Легкомысленно тряхнула головой:

– Вы правы, сир. Хотя, признаюсь, эти слова печалят меня. Они лишают меня возможности оказать вашему величеству то бесконечное гостеприимство, какое я жаждала бы оказать, будь я хозяйкой этих комнат.

Король улыбнулся снисходительно. Взглянул на принцессу, раздвинул в улыбке губы:

– Если вы говорите это от чистого сердца, дорогая Генриетта, я отвечу вам: у вас есть возможность сделать мне приятное.

Он повернулся к замершим придворным. Махнул музыкантам – играйте!

– Развлекайтесь, господа! Развлекайтесь!

Вновь обернулся к принцессе.

– Ваш муж, сударыня, жалуется на ваши ежедневные сборища. Он утверждает, что вы, моя дорогая, находите теперь удовольствие в общении с господином де Гишем? Вы огорчаете вашего супруга!

Генриетта промолчала.

– Я слышал также, что в ваших комнатах так весело, что фрейлины королевы-матери мечтают попасть в вашу свиту, чтобы их вечера были не так однообразны.

– Не более весело, чем всегда, сир. Я помню, – проговорила она осторожно, – вашему величеству прежде нравилось бывать здесь.

Он взглянул на Генриетту, перевёл взгляд на притаившуюся в глубине комнаты фрейлину.

– Мне и теперь нравится. И я желал бы продлить это удовольствие. Я буду приходить к вам вечерами, дорогая сестрица. – Он снова посмотрел в угол, где Луиза де Лавальер шепталась о чем-то со своей подругой, Анной-Констанцией де Монтале. – Надеюсь, присутствие здесь короля успокоит вашего супруга.

Генриетта присела в реверансе, опустила голову, скрывая усмешку.

Успокоит? Только его величество может быть так забывчив! Ведь совсем недавно именно присутствие короля в её апартаментах доводило до бешенства её мужа, Филиппа, герцога Орлеанского. Он настолько был раздражён тем удовольствием, которое находили в общении друг с другом его брат и его жена, что даже бросился жаловаться королеве-матери на чрезмерное увлечение ею, Генриеттой, короля. И разве не с этого начался весь этот нелепый маскарад? Разве не благодаря дурацкой идее её величества Анны Австрийской родилась эта проклятая связь Людовика с простушкой-Лавальер? И теперь она, дочь Карла I Стюарта, внучка Генриха IV, должна быть ширмой для отношений короля с Лавальер?

В ярости она сжала губы. Вдохнула-выдохнула. Вернула на лицо улыбку.

Когда Генриетта выпрямилась, на её лице не осталось ни следа от пронёсшейся в душе бури.

– Конечно, сир. Я бесконечно рада быть полезной вашему величеству.

Людовик улыбнулся.

– Прекрасно! Будем друзьями, дорогая!

Он решил подтвердить сказанное толикой внимания. Взглянул ей в глаза.

– Вы печальны? Что вас тревожит?

Генриетта опустила взгляд. Приняла вид монашески-отрешённый. Подумала: всему своё время.

Пусть пока торжествует Лавальер. Раз прямо сейчас она, Генриетта, не может вернуть себе милость короля, она подождёт. Время всё расставит по своим местам. Пока же, согласившись стать союзницей его величества в его амурных делах, она получила право просить. И она им воспользуется. Она поддержит друга и уничтожит врага. Слава Богу, в данном случае, враг её друга – её враг.

Людовик нежно обнял её за плечи. Усадил на табурет. Сам опустился на расположенный на возвышении стул с высокой резной спинкой.

– Говорите, Генриетта! Ваш король готов вас слушать.

Мимолётный жест рукой – и музыка смолкла. Принцесса взглянула на своих придворных, качнула головой едва заметно.

Те поняли, отступили, покинули в тишине комнату. Только далеко за спиной короля, в глубине алькова две дамы остались сидеть на своих местах. Склонившись друг к другу, продолжали разбирать, распутывать, скручивать в клубки цветные нити, предназначенные для вышивания.

Генриетта скользнула по ним взглядом.

– Ах, ваше величество! – проговорила тихо. – Вы спрашиваете, отчего я печальна? Вы спрашиваете, не скучаю ли я? Нет, я не скучаю при дворе. И мои дамы меня вполне устраивают. Но, ваше величество совершенно правы, сегодня я огорчена. – Выдержала паузу. Продолжила тогда только, когда Людовик уже начал терять терпение. – Позвольте, сир... Позвольте просить вас о милосердии. Я знаю, что ваше королевское величество великодушны. И уверена, что вы не откажетесь восстановить справедливость.

Король нахмурился.

– Вы опять об этом несносном графе де Лоранс? Право, сударыня, ваше заступничество выведет из себя и святого! Он получил то, что заслужил. Я не изменю своего решения.

– О, нет, сир! – Генриетта так искренне удивилась, что Людовик тут же смягчился. – Граф де Лоранс – молодой и сильный мужчина. И ваше величество были к нему так милостивы. Вы предоставили ему прекрасную возможность служить вашему величеству. Более того, вы дали ему жену. Я уверена, что он благополучен. Нет, сир. Я прошу не за него.

– Тогда за кого?

Генриетта молчала. Будто собиралась с силами.

Она выглядела такой беззащитной, такой смиренной, что король не удержался: коснулся её щеки, скользнул пальцами по шее.

Принцесса осторожно, словно сомневаясь, что имеет ещё на это право, дотронулась до руки короля. С удовлетворением отметила, что облачко раздражения, набежавшее прежде на королевское чело, улетучилось.

Она встретила спокойный взгляд карих глаз, улыбнулась едва заметно. Король смотрел на её губы, глаза, грудь. Генриетта повернулась так, чтобы вздымающиеся из-за корсажа полукружия груди выглядели как можно более аппетитно. Вздохнула.

Подумала с торжеством: его величество неравнодушен к ней. Что бы он ни говорил, как бы ни желал теперь эту дурочку Лавальер, он не забыл её, Генриетту. Он помнит о ней. И у неё ещё есть шанс.

Она думала так, но не позволила ни единой искре, ни единому проблеску радости мелькнуть в глазах.

Людовик любовался ею. Он не был обманут внезапной кротостью юной тигрицы, но голос его звучал так нежно, что можно было подумать, что предлагаемые ему женские прелести смутили его разум.

– Что я могу сделать для вас? – спросил снова.

– Для меня? – Генриетта распахнула глаза. – О, нет, ваше величество. Я ничего не хочу для себя. Чего ещё может просить молодая женщина, живущая при дворе великого короля? Моя судьба завидна. Я имею возможность быть рядом с вами, государь, говорить с вашим величеством...

– О ком же вы просите?

– Об одной из моих дам, сир. Молодая очаровательная женщина – она могла бы быть счастлива в браке, если бы не... Впрочем, если позволите, ваше величество, я расскажу по порядку.

Король милостиво кивнул. Добавил только:

– Через полчаса назначен Королевский Совет финансов, принцесса. Постарайтесь быть не слишком многословной.

– Сначала я напомню вам одну историю, сир, – проговорила Генриетта. – Вы знали её, но, возможно, забыли. Речь пойдёт о муже моей придворной дамы. Ему пришлось пережить многое. И теперь, когда он состарился, жизнь не стала к нему милосерднее. Он страдает. А вместе с ним страдает та, которую я люблю.

Её голос стал печален.

– Много лет назад, сир, в вашей вотчине было совершено преступление. Страшное преступление. Из тех, что преследуют потом совершившего их до скончания его века. Ибо нет страшнее суда, чем свой собственный.

– Хорошенькое начало, – заметил король. – Судя по вашему вступлению, рассказ грозит быть долгим. Впрочем, я обещал вам полчаса. Так что же сотворил тот несчастный?

Принцесса кивнула – я помню о времени.

– Он был влюблён, ваше величество. Пылко влюблён, – продолжила тихо. – Жена его была прекрасна. Он – молод. Жизнь их могла сложиться сказочно. Но была война. И герой

моего рассказа ушёл воевать. Пока он храбро сражался, супруга родила ему сына. Когда же вернулся в замок, где ждала его жена с младенцем, всё и случилось. Его мать, которая ненавидела невестку, рассказала ему историю... Так – подозрения, не больше. Доказательств у старухи не было никаких. Но что иным мужчинам доказательства? Им достаточно сомнения.

– Что же рассказала ему мать?

– О, ваше величество, старую, как мир, историю. Ту самую, которую любой ревнивец носит с собой, как дворянин – шпагу.

Людовик усмехнулся, вспомнив своего брата Филиппа.

– Ревнивцы бывают невыносимы. Не так ли, принцесса?

– Да, ваше величество, – улыбнулась в ответ Генриетта.

Обрадовалась. Они по-прежнему прекрасно понимали друг друга.

– Я продолжу, сир. В замке в ту пору гостил молодой виконт. Красивый, галантный, внимательный. Говорят, он был очарователен. И старая свекровь сочла, что её невестка слишком благоволит к чужаку. Трудно сказать, насколько были обоснованы её подозрения. Наверное, молодая хозяйка замка и виконт симпатизировали друг другу. Но, говорят, что никто никогда не заставлял их вместе.

– Она поделилась своими подозрениями с сыном, не так ли? И что сделал тот? Вызвал виконта на дуэль?

– Возможно, сир. Во всяком случае, однажды, спустя совсем короткое время после того, как хозяин вернулся домой с войны, гость был найден мёртвым у стен замка.

– Я не приветствую дуэли. Но бывают случаи...

– Да, сир. Бывают. И если бы дело ограничилось дуэлью, возможно, муж-ревнивец прожил бы совсем другую жизнь. Но он очень любил свою жену и очень её ревновал. Именно потому дальше случилось то, что случилось. Впрочем, не буду забегать вперёд.

Она помолчала немного, подбирала слова. Снова заговорила:

– Справедливости ради следует сказать, что молодая женщина, которую супруг подозревал в измене, не пролила по погибшему ни единой слезинки. Она осталась безучастна к тому, что произошло, настолько, насколько вообще можно остаться безучастной к смерти. Казалось, можно было вздохнуть свободно. Но несчастный муж так и не смог успокоиться. Он получил от неё ещё двух сыновей, но страшная, чудовищная мысль, родившаяся должно быть в одну из прежних бессонных ночей, как червь, глодала его душу. Когда он думал о том, что сын, его наследник, может быть, вовсе не его, он задыхался от гнева и унижения. И маркиз не выдержал. Допустив страшную мысль однажды, он не мог уже отступить. Весной, когда на деревьях только-только распустились листья, он пригласил свою жену посетить вместе с ним их фамильную часовню. Она не возражала. И даже это её беспрекословное послушание приводило супруга в бешенство. В нём маркиз видел одно притворство. И терзался яростью ещё сильнее.

Он уже с трудом мог держать себя в руках. Едва наступило утро, он велел заложить карету. И они отправились...

Глава 4. *Inde irae*. Отсюда и гнев

В соседней комнате послышался шум, заставивший Генриетту прервать речь. Она досадливо наморщила лоб, когда на пороге комнаты появился де Гиш.

– Что вам угодно, сударь? – спросила сухо.

Бесцеремонное вторжение придворного возмутило принцессу. Он мешал ей сейчас. Так мешал! Не хватало ещё, чтобы король, который теперь так нежно, так доверительно держал её за руку, убедился в справедливости распространяемых при дворе слухов о близости, существующей между ней и де Гишем.

Она взглянула на вошедшего высокомерно.

Граф де Гиш смешался на мгновение. Потом в ответ сделался надменен. Кивнул принцессе отчуждённо. Ни разу не взглянул больше в её сторону. Склонился перед королём.

– Ваше величество, граф де Мориньер...

Король оставил руку принцессы. Поднялся.

– Да-да! Пусть войдёт. Я жду его.

Генриетте ничего не оставалось, как подняться вслед за Людовиком. Она следовала чуть позади. Негодовала: отчего Людовик всегда так снисходителен, так милостив к этому гордецу и так жесток и невнимателен к ней!

Когда Мориньер появился на пороге, с трудом спрятала за принуждённой улыбкой свою к нему неприязнь.

Король улыбался, был доволен.

Принцессе казалось, что в мужчине, так некстати появившемся в её апартаментах, Людовик видел избавителя – от хандры, от дворцовой скуки, от назойливости придворных дам. От её, Генриетты, назойливости.

Она не могла простить Мориньеру этого ощущения.

Было, впрочем, кое-что ещё...

Генриетта не умела объяснить этой своей реакции. Но и не признать – не могла: всякий раз, когда судьба сталкивала её с этим человеком, она – весёлая, остроумная, «душа общества» – вдруг начинала чувствовать себя угловатой и неловкой. Так случилось и теперь.

Подчинившись требованию короля, она продолжила свой рассказ.

Заговорила уже скорее по принуждению, растеряв от раздражающего её волнения всё своё обаяние. Соблазняющие прежде модуляции голоса исчезли, тонкие черты лица стали холодны и невыразительны.

Слишком мало жизни осталось в ней, чтобы его величество мог находить общение с принцессой столь же приятным, как прежде. Но, если Людовик и заметил внезапные изменения в настроении невестки, то ничем не выдал этого. Продолжал внимательно слушать.

– Так вот, сир, – ровным голосом снова заговорила Генриетта, вернулась к прежней истории, – мучимый ревностью, маркиз убил свою жену. Почти сошедший с ума от подозрений он, должно быть, спрашивал её, просил, умолял признаться, кто является отцом его старшего сына. Не знаю, что она отвечала. И отвечала ли вообще. Он, оскорблённый мужчина, думал, что смерть супруги утишит боль. Но покой так и не посетил его сердца. Все последующие годы, глядя на то, как растёт и мужает его наследник, он ни на мгновение не забывал о своих сомнениях. Ничто, казалось, не могло избавить его от страданий. И вот спустя много лет после тех ужасных событий нашлась женщина, которая полюбила его. Отдала ему не только руку, но и сердце – чистое, доброе, благородное. Она имеет право на счастье!

– Безусловно, – Людовик нетерпеливо застучал носком туфли по паркету. – И что мешает быть счастливой этой женщине?

– Эта насмешница-судьба! Совсем недавно, ваше величество, её пасынок узнал истинную причину смерти своей матери. Один из свидетелей гибели несчастной, умирая, решил облегчить душу...

Генриетта побледнела вдруг. Вспомнила, что именно стараниями графа де Мориньера тот, о ком она сейчас вела речь, получил в своё время место при дворе, о котором грезили многие. Подумала: теперь, когда неожиданно свидетелем этого её разговора с королём стал Мориньер, она оказалась в ситуации неловкой, даже опасной. Прервать рассказ, остановиться – она не могла. Продолжать – значило вступить на путь конфронтации с очень сильным противником.

Генриетта вскинула голову. Заговорила медленно, разделяя слова долгими паузами:

– Ваше величество, жизнь ни в чем не повинной молодой женщины и её несчастного старика-мужа стала совершенно невыносимой. Этот бастард... Он... он угрожает их жизни.

Она замолчала, чтобы перевести дыхание. Король взглянул на стоявшего изваянием Мориньера. И, наконец, догадался.

– Бастард, вы говорите? – произнёс неспешно. – Вы так убеждены в этом, принцесса?

Людовик обернулся к женщинам, по-прежнему занятым распутыванием пряжи.

– Если я правильно понял, любезная сестрица, героиней вашей драматической повести является ваша фрейлина... госпожа д'Аркур? Так её, кажется, зовут? А герой и её супруг – Луи д'Арпайон, маркиз де Северак?

– Да, сир, я говорила о них.

– Я помню эту свадьбу. Грандиозное было празднество.

Людовик помнил. Не только свадьбу, но и то, что последовало позже. Однажды, холодной темной ночью, сын маркиза де Северака, жаждая отомстить отцу, вошёл в замок во главе большого отряда. Людовик не мог бы забыть этого, потому что именно тогда старый маркиз явился ко двору, прося о милости. По его просьбе Людовик послал войска, которые осадили замок, занятый Севераком-младшим. Жан-Луи долго оборонялся. Когда понял, что удержать замок не удастся, бежал в Париж.

С тех пор конфликт между отцом и сыном то остывал, то разгорался вновь. Ни тот, ни другой не обращались больше к Людовику за правосудием. И молодой монарх считал за благо позволить им самим разрешить их противоречия.

– Так чего вы желаете? – он обращался к принцессе, а смотрел поверх её головы на Мориньера. – О чем просите, дорогая моя сестрица? Эта ваша история... Вы считаете: ваш король о ней не знает?

Людовик умолк. Он ждал, что граф де Мориньер вступит в разговор. Был уверен, что тот не преминет заступиться за человека, чью жизнь знал лучше многих и которому даже в какой-то степени покровительствовал. Он думал, что Мориньер расскажет ужасные подробности этого преступления, поведаст о том, как женщину убивали – медленно и жестоко. Расскажет, как на поляне – весенней, залитой ослепительным утренним солнцем, покрытой ёжиком только что проклюнувшейся травы, – ей вскрыли вены, как оставили истекать кровью в нескольких шагах от Божьего дома, как стояли вокруг неё мужчины во главе с самим маркизом, смотрели, как утекает из молодой женщины жизнь.

Когда некоторое время назад Людовик слушал эту историю, волосы шевелились на его голове, кровь стыла в жилах.

Между тем Мориньер молчал.
Смотрел спокойно в глаза своему королю. И молчал.

Повисла пауза – тёмная, тяжёлая, как предгрозовая туча.

Наконец, не дождавшись поддержки Мориньера, молодой монарх снова заговорил:

– Выслушав в своё время обе стороны и разобравшись в этой трагедии, мы посчитали, что преступление, которое совершил Луи д'Арпайон, маркиз де Северак, безусловно, заслуживает самого сурового наказания. Но за давностью лет и в связи с преклонным возрастом маркиза нами было решено оставить совершённое им без внимания. Но если вы просите, ваш король может вновь вернуться к этому делу.

Генриетта закусила губу. Она понимала: всё пошло не так, как хотелось. И всему виной этот проклятый южанин! Она метнула в Мориньера острый, как дротик, взгляд. Спohватившись, прикрыла глаза.

– Вы считаете, дорогая моя сестрица, что, как судья справедливый, мы должны в первую очередь наказать преступника, коим, без сомнения, является старый маркиз? – спросил Людовик, озадачив Генриетту неожиданно жестокой усмешкой.

За спиной короля раздался тихий стон. Мориньер взглянул в глубину алькова. Мадемуазель д'Аркур, выронила клубок и в ужасе зажала ладонями рот. Смотрела на короля. Потом перевела затравленный взгляд на Мориньера.

Клубок, вырвавшийся из её рук на свободу, пересёк полкомнаты и прикатился к ногам Мориньера. Тот остановил его. Наклонился, поднял. Вернул испуганной молодой женщине. Потом, возвратившись на прежнее место, наконец, посмотрел на Генриетту – тяжело, пристально, так, что у принцессы заглодели пальцы.

– Сир, – произнёс, – простите моё вмешательство и позвольте выступить в защиту несчастного маркиза. Вина его несомненна. Но в нынешней конфронтации он повинен меньше, чем можно было бы предположить. И тут принцесса, безусловно, права, – он скользнул взглядом по фигуре Генриетты, уставился на её губы, наконец, заглянул в глаза. Будто в тиски зажал – не вырваться. Произнёс с лёгкой, беззаботной улыбкой.

– Соре этой пора положить конец.

– Так вы полагаете, что ответственность за непрекращающуюся вражду следует возложить на сына? И я должен наказать Северака-младшего? – король удивлённо вскинул брови.

– Нет, ваше величество, – качнул головой Мориньер.

– Нет, сир, – одновременно с Мориньером воскликнула Генриетта.

Это неожиданное согласие недавних противников развеселило Людовика.

– Говорите сначала вы, принцесса, – милостиво кивнул он.

За мимолётной, брошенной в её сторону, улыбкой Мориньера Генриетта увидела то, чего не могли бы увидеть другие – обещание сделать её жизнь невыносимой, если она позволит себе ещё хотя бы один шаг в выбранном ею прежде направлении. И она отступилась.

– Нет, – вновь повторила она пылко, прижимая руки к груди. – Я не прошу о наказании. Мне только жаль, что в доме Севераков нет спокойствия. Мне тяжело видеть печаль в глазах моей Катрин-Анриетт. Я мечтаю лишь о том, чтобы в семье каждого из вассалов вашего величества царили покой и счастье. Но как это сделать, сир...

Она развела руками, изображая растерянность.

Людовик хмыкнул.

– А вы что думаете? – повернулся к Мориньеру.

Тот пожал плечами.

– Я давно, сир, не вспоминал об этой истории. Но, раз ваше величество интересуется моим мнением... Мне кажется, что самым верным в этой ситуации было бы на какое-то время развести отца и сына на максимально возможное расстояние. Пусть они остынут, отдохнут друг от друга. А там, вполне вероятно, и проблема решится сама собой.

Король приподнял брови, усмехнулся.

– Что ж...

Обернулся к Генриетте.

– Нам известно, принцесса, что вы недолюбливаете Северака-младшего. А я, сознаюсь, иногда с трудом выношу его отца. Но оба они смелы и верны Короне. На таких людей, как эти два упрянца, опирается трон. А государственные интересы всегда должны быть на первом месте.

Мориньер склонился, признавая безусловность высказанного его величеством тезиса. Генриетта присела в реверансе. Да так и замерла в этой неудобной позе.

Людовик обвёл их взглядом. Кивнул. Взял принцессу под руку, поднял её.

– Мы приняли решение, – сообщил, горделиво вскинув голову. – Я давно замечаю, что ваш молодой приятель, граф, не слишком доволен должностью, которую он получил некоторое время назад. Вы и прежде говорили мне, что Жан-Луи де Северак более солдат, чем придворный. Что вы скажете, любезный граф, если мы предложим вашему другу на год-другой отправиться в Новый Свет?

– Я скажу, что у вашего величества появилась забавная привычка подобным образом решать довольно большой круг вопросов, – усмехнулся Мориньер.

Довольный, что всё так хорошо устроилось, Людовик засмеялся колкости графа по-мальчишески весело. Направился к двери. У самого выхода из комнаты остановился и игриво потрепал по щёчке следовавшую за ними принцессу. У него вновь было прекрасное настроение. И он был готов шутить.

– А вы, дорогая Генриетта, будьте внимательнее к вашему мужу. Иначе ваш супруг выведет своим нытьём из терпения не только своего брата, но и короля. И тот непременно отправит его... ну, скажем... в Новый Свет. Воевать во имя величия Франции.

И, улыбаясь, Людовик прошёл по комнатам, где продолжали толпиться все те, кого полчаса назад выставили из покоев принцессы.

* * *

В рискованной шутке Мориньера была значительная доля правды. Людовик, в самом деле, в последнее время был заметно озабочен недостаточно успешным развитием заокеанских земель.

Впрочем, что там – недостаточно успешным? Катастрофически ничтожным!

Сведения, поступающие из Новой Франции, были обрывочными и, как полагал Людовик, не вполне достоверными. Одно было совершенно очевидно: Компания поселенцев, на откуп которой однажды было отдано монопольное право на принятие решений по развитию земель, ставших в своё время их вторым домом, не справлялась с возложенной на неё ответственностью.

Кольбер предлагал Компанию распустить. Людовик колебался. Просматривал приходившие из Нового Света бумаги, пощипывал себя за отрастающие усы. Размышлял. Изучив документы сам, передавал их Мориньеру.

Так и в последний раз, около недели назад, Людовик призвал к себе Мориньера, выложил перед ним несколько исписанных убористым почерком листов.

Мориньер знал и этот почерк, и человека, составившего письмо. Читал с интересом. Когда закончил, отложил бумаги в сторону.

– Что вы думаете об этом человеке? Можно ли доверять его суждениям?

– Более чем, ваше величество, – ответил Мориньер. – Я знал преподобного отца в то время, пока он был во Франции. Это образованный и смелый человек.

– Давно ли он находится в Новом Свете?

– Если не ошибаюсь, он отбыл из метрополии около шести лет назад. И с тех пор изо всех сил, какие только даны человеку, способствует распространению христианства среди аборигенов. Отец Даблон более многих других достоин доверия, ваше величество.

Людовик кивнул. Заговорил пылко – то ли к Мориньеру обращался, то ли самому себе вещал. Говорил о сильных побуждениях к развитию колоний, какие имелись теперь у Франции, о необходимости создания там новой, стройной системы управления. О регулярных войсках, которые следовало бы отправить в колонию, дабы они могли успешнее оказывать сопротивление агрессии коренного населения Новой Франции.

– Нужно направить туда солдат. Молодых, сильных, готовых сражаться за Францию и умереть, если придётся! Французы – храбрецы. Но им не хватает сил противостоять бесчисленным полчищам индейцев! Вот недавно, совсем недавно, – вы в курсе, наверное, – этот смельчак, Адам д'Орме, бросился со своими молодцами навстречу выступившему войску ирокезов. И победил их. Конечно, победил! Ведь именно благодаря его доблести и доблести его солдат индейцы отказались от плана нападения на Виль-Мари! Вы слышали?

Мориньер слышал. Улыбался внутренне. Когда его король определял для себя цель, ничто более не могло его остановить.

* * *

– А теперь говорите, друг мой, говорите! Что заставило вас явиться ко двору в виде, достойном разве что трактира? – Людовик быстрым шагом пересёк бесконечное множество комнат, прошёл по коридору, сопровождаемый двумя факельщиками, и теперь направил свои стопы в небольшую, смежную со спальней, комнату. Замер на мгновение перед большим пузатым трюмо.

Мориньер оглядел себя в зеркало. «Достойное трактира» платье! Улыбнулся – видел бы его Людовик в иные дни, когда ему, Мориньеру, приходится опускаться на самое дно Парижа!

– Простите, сир! Ассамблея духовенства закончила свою работу. И я счёл, что ваше величество извинит мне дорожное платье, когда прочтёт письмо, адресованное отцом Аннэ.

Людовик быстро распечатал письмо.

– Отец Аннэ пишет, что они потребовали от духовенства осуждения Пяти положений, – сообщил, глядя на Мориньера в зеркало.

Король сделал несколько шагов в сторону, бросил письмо на длинный стол и возбуждённо заходил по комнате.

– Ассамблея подтвердила решение 1657 года. Прекрасно! Мы этого ждали! И я приложу все силы, чтобы сокрушить янсенизм. И пусть... пусть нам говорят, что в основе этого миро-

воззрения лежат добрые намерения. Если оно не учитывает... если не хочет учитывать те опасные последствия, которые из него могут проистекать, оно вредно. Даже опасно.

Мориньер стоял, не шелохнувшись. Спокойно дожидался конца речи.

– Вы не согласны, сударь? – король внезапно остановился перед ним. Он хорошо знал, что долгое молчание слуги довольно часто означало несогласие.

– Я воспитанник иезуитов, сир. А наш Орден безусловно поддерживает точку зрения вашего величества.

Король усмехнулся:

– И когда это мешало вам иметь собственное мнение?

Мориньер едва заметно улыбнулся в ответ. Промолчал.

– Я помню Фронду, – воинственно взмахнул рукой король. – Слишком хорошо помню. И мне не нужно, чтобы на смену той, открытой и циничной, Фронде пришла другая Фронда – тайная и лицемерная. Я не терплю эту секту. С этой их отвратительной назойливостью и стремлением к назиданиям! Я не желаю, чтобы эта пока ещё едва заметная, полусекретная организация, чьи щупальца незаметно для нас с вами проникают во все сферы общества, мешала управлению государством. Даже при дворе я чувствую её влияние. Возьмите хотя бы этого интригана – Арно де Помпонна. Он слишком вольно чувствует себя! Слишком! Разве вы этого не ощущаете? Вы не замечаете, что влияние их на судейских так велико, что становится очень похоже на внедрение в государственные службы? Чему же вы удивляетесь? – *inde irae* – отсюда и гнев. Разве он безоснователен?

Мориньер продолжал стоять изваянием.

– Кстати, Жосслен, слышали ли вы, что написала эта невозможная Жаклин Паскаль? Поистине, семейные наклонности одинаково проявляются и в хорошем, и в дурном.

Последние слова прозвучали почти жалобно. И Жосслен де Мориньер улыбнулся и им, и осторожно заглядывающему в кабинет камердинеру, чьё лицо несло отпечаток вечной насторожённости.

Его величество следовало переодеть к Королевскому совету. Но позволительно ли теперь прерывать этот разговор? Огюстен Демаро вопросительно взглянул на Мориньера. Тот кивнул коротко – можно.

– Да, сир, я помню.

И он процитировал, смеясь: «Если уж мы живём в эти печальные времена потрясений, когда епископы наделены мужеством девиц, то девицы просто обязаны обладать мужеством епископов...»

– О, ваше величество! Разве мужество не добродетель?

– Вы смеётесь, сударь, – слабо улыбнулся король, позволяя себя переодеть. – Вы смеётесь. Между тем как королю не до смеха. Пробовали ли вы воевать с девицами? От победы над ними победителю не достаётся ни славы, ни почестей...

Он сокрушённо развёл руками.

– Женщины – хитрые и коварные создания. Милейшая, очаровательная жена моего брата – внешне чистейшее, ангельское существо. Но стоит проявить толику слабости, немного неуверенности, и она завладеет вашими мыслями, станет управлять вами, а через вас и вашими подданными. Вот вы так хорошо разбираетесь в людях! Скажите мне, Мориньер, отчего ей так не терпится уничтожить Северака-младшего?

Жосслен де Мориньер неопределённо улыбнулся.

– С женщинами можно бороться, ваше величество, но понять их... Это отнимает слишком много сил и приносит слишком мало пользы.

– Допустим, – король улыбнулся отражению в высоком зеркале, одобрительно кивнул хлопочущим вокруг него слугам. – Но тогда ответьте мне, отчего сегодня вы проявили так мало участия в судьбе вашего друга?

– Да не сочтёт ваше величество лестью то, что я сейчас скажу, но... Я был уверен, что вы, сир, не обойдёте несправедливо с человеком, которого судьба и без того чересчур мимолётно одаривает приятными сюрпризами. И, напротив, всегда слишком щедра на сюрпризы роковые.

Король вскинул голову, взглянул на Мориньера.

Вокруг монарха суетились слуги: поправляли пряжки, закалывали булавки, расправляли манжеты. Они считали свою судьбу счастливой. Молились, чтобы она не переставала быть к ним благосклонной.

Людовик почувствовал вдруг желание сделать что-нибудь для человека, который никогда не просил его милости.

– В таком случае ответьте мне, сударь, будет ли рад господин де Северак, если мы прикажем ему жениться? Он ведь холост! Это, должно быть, тяготит его, не так ли?

Людовик посмотрел на графа де Мориньер с заметной долей лукавства.

– Ну, так что вы скажете?

Мориньер улыбнулся про себя, поняв, к чему клонит король.

Ответил:

– Я полагаю, если ваш выбор, сир, счастливым образом совпадёт с выбором самого Северака, последний будет очень благодарен вашему величеству.

– Что ж, прекрасно! Тогда передайте вашему другу, что сразу по его возвращении из Нового Света, мы устроим его брак с... – его величество сделал вид, что пытается вспомнить имя.

Пошевелил пальцами в воздухе, нахмурил лоб. Произнёс, наконец:

– С мадемуазель де Вернон? Мы не ошиблись? Ведь именно так зовут избранницу господина де Северака. Нам кажется, они замечательно подходят друг другу!

– Ваше величество прекрасно осведомлены! – Мориньер притворился ошеломлённым.

Людовик рассмеялся довольно. Сделал жест, означающий что-то вроде: «А вы сомневались?!»

И отправился на встречу с давно ожидавшим его Никола де Невилем, герцогом де Вильруа, главой Королевского Совета финансов, в превосходнейшем настроении.

Глава 5. Северак

Утро для Жана-Луи де Северака началось неудачно.

Ещё до того, как он поднялся с постели, ему принесли письмо от отца, прочтя которое Северак впал в ярость.

Отец извещал его о том, что он, Жан-Луи де Северак, убудок и неудачник, лишён наследства.

Чего-то вроде этого Северак ожидал уже давно. И всё же, прочитав написанное нервным отцовским почерком, он на мгновение потерял дар речи. И потом, в течение многих часов, никак не мог успокоиться.

Устав метаться по комнате, Северак бросился в кресло. Оно застонало под ним жалобно и надрывно.

– Негодяй! – Северак закричал зубами. – Нисколько не удивлюсь, если узнаю, что ты, действительно, не мой отец. Несчастливая мать! Она отдала свою жизнь такому подонку!

Он произнёс в сердцах ещё несколько бранных слов в адрес отца. И утомлённо замолчал. Посидел немного, снова вскочил, прошёлся по комнате.

Мало того, что этот проклятый старик по всему свету растрюбил, что он, Жан-Луи де Северак – бастард. Так он не остановился на этом. Сегодня он лишил его наследства. А это значит, что о свадьбе теперь придётся забыть.

Чёртов старик! Северак изо всей силы треснул кулаком по стене.

Дверь бесшумно приоткрылась, и в образовавшуюся щель осторожно просунул нос мальчишка-паж. Он не решался войти – уж очень грозно ругался господин. Кому ж хочется попасть под горячую руку?! Поэтому мальчик предпочёл пропищать под дверью заветные слова:

– Господин де Северак, его величество приказал вам срочно явиться. Мне велено сию минуту проводить вас к нему.

– Что? Что ты сказал? – взревел Северак. – Сию минуту?

Он подскочил к двери, втащил мальчишку за грудки в комнату.

– Король? Ты сказал – король?

– Да, сударь! – мальчишка затрепыхался в руках, сердито поблёскивая глазёнками. – Отпустите меня.

Надулся, поправляя шапочку, сбившуюся набок.

– Что вы кидаетесь на людей? Сказано вам – сейчас же!

Северак намотал ещё несколько кругов по комнате. Пытался взять себя в руки, выровнять дыхание. Думал – зачем теперь он мог понадобиться королю? Не иначе, как отец не ограничился письмом. Придумал ещё какую-нибудь каверзу. Старый болван!

Всё утро он, Жан-Луи де Северак, пытался выяснить, куда подевался граф де Мориньер, которому одному он рискнул бы рассказать о совершенной в отношении него подлости. Только Мориньер – Северак не умел объяснить, почему он так в этом уверен, – мог посоветовать, как ему теперь быть.

Северак вздохнул. Взглянул на мальчишку. Тот, прислонившись к стене, ждал. Смотрел на него утомлённо. Позёвывал.

Жан-Луи де Северак натянул камзол. Склонился к небольшому зеркалу, стоявшему на столе. Ещё раз негромко выругался. Даже тут ему не повезло. Умерла мать его единствен-

ного слуги, и именно сегодня он отпустил его, чтобы тот мог организовать похороны и помочь оставшимся сёстрам и братьям.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! – кружевной воротник никак не хотел укладываться на своё место.

Наконец, он справился с непослушным кружевом. Махнул рукой пажу – пошли! Выскочил в коридор, едва не сбил с ног какую-то девушку.

Он нёсся по многочисленным переходам, мечтая убраться из этого дворца куда подальше.

Это было несправедливо по отношению к Мориньеру, который не так давно добился для Северака должности при дворе. Должность эта давала ему возможность чувствовать себя при деле и получать жалованье. Совсем небольшое.

Места при дворе, впрочем, большинством ценились вовсе не за это. Близость к королю гарантировала множество самых разных удовольствий, среди которых более всего придворными почиталось «право на подарок». Людовик не забывал о своих слугах – при случае одаривал их деньгами, драгоценностями. Случалось – даже землями.

Но Северак не умел выпрашивать подачки. Он задыхался в суতোлке приёмных. Безделье его тяготило, праздность окружающих казалась невыносимой.

– Мне следовало отправиться в войска, – стонал он. – Я не могу держать свечу при отходе Людовика ко сну, и чувствовать себя при этом полноценным человеком. Это место должен занимать маленький, ни к чему более не годный, паж.

– Терпение, друг мой, – улыбался Мориньер. – Эта должность не так плоха, как вам представляется. Придёт время, и всё сложится как надо.

Жан-Луи направлялся теперь к королю, уверенный, что от этой аудиенции добра ждать не приходится. Он вообще не надеялся сегодня более ни на что хорошее.

Лишь немного успокоила его доброжелательная предупредительность пажей, раскрывающих перед ним одни за другими двери, да лёгкая улыбка Мориньера, с которым он столкнулся в дверях, ведущих в святая святых – в кабинет короля.

– Вот вы где? – воскликнул приглушённо Северак, останавливаясь. – Я искал вас сегодня повсюду.

– Идите, друг мой, идите, – улыбнулся тот ободряюще. – Его величество ждёт. Поговорим после.

Жан-Луи всё же на какие-то доли секунды задержался на пороге. Переводил дыхание.

В его душе боролись сегодня два одинаково сильных чувства: страстная любовь к Шарлотте де Вернон и лютая ненависть к маркизу де Севераку, его родному отцу. Одно возвышало его, другое – могло погубить. Теперь всё зависело от того, как распорядятся звезды.

Было, впрочем, ещё кое-что, что беспокоило Северака. Вездесущие пажи предупредили его, что принцесса Генриетта сделала всё, чтобы очернить его в глазах короля, и Жан-Луи напрасно скрежетал зубами, стараясь придумать средство, чтобы отомстить заносчивой принцессе. Ни один из изобретённых им способов не был достоин дворянина. Оставалось возлагать надежды на Провидение и справедливость того, в чьих руках была его судьба.

* * *

От короля Северак вышел в растерянности. Остановился на пороге, огляделся по сторонам, щурясь, – так оглядываются люди, выступившие из мрака на яркий свет. Завидев расположившегося у одной из колонн Мориньера, – тот беседовал о чем-то тихо с графом де Грасьен, известным ловеласом и щёголем, – направился к нему.

Заметив Северака, Мориньер коротко раскланялся со своим приятелем. Сделал пару шагов навстречу:

– Ну, что? Теперь вы чувствуете себя лучше?

– Что это было?

– О чём вы?

– Что это – милость или опала?

Мориньер едва двинул бровью:

– Что сказал вам король?

– Он приказал мне отправляться в Новый Свет!

– И что вас тревожит?

– Но Людовик был так любезен! Его величество наговорил мне столько приятного, что я, признаюсь, чувствую себя смущённым. Я ждал совсем иного.

Северак недоуменно пожал плечами:

– Король обещал мне руку Шарлотты.

– Я не понимаю вас, мой друг, – Мориньер говорил с Севераком и одновременно внимательно следил за тем, что происходит вокруг. – Вы хотели жениться на мадемуазель де Вернон, его величество позволяет вам. Чего же вам ещё?

Тут Северак вспомнил. Его глаза засверкали, а голос стал жёстким:

– Что мне дозволение его величества?! Я всё равно не могу теперь жениться!

– Отчего?

Северак заговорил. Пока он, распаясь все больше, рассказывал Мориньеру о своём бедственном положении, тот незаметно увлёк его за собой, укрыл от чужих взглядов за мраморной колонной.

– Тише, – сказал чуть слышно, – говорите тише.

Выслушал до конца. Улыбнулся едва заметно.

– Всё это пустое, Жан-Луи. Сомнения не могут являться основанием для лишения наследства. Обратитесь к королю...

– Я не стану кляузничать на отца. Я сам заставлю его вернуть мне мою долю.

Мориньер усмехнулся:

– Как знаете. В любом случае, произойдёт это не скоро. Теперь вам надлежит готовиться к отъезду и...

Его речь прервал какой-то шум в зале. Гул всё нарастал, и на фоне его выделялся пронзительный женский голос – то ли горестные жалобы, то ли рыдания.

Мориньер выглянул из-за колонны.

– Ну, конечно, – произнёс иронично. – Вечный герой-любовник. Идёмте, Жан-Луи. Сейчас я вас познакомлю.

Он собрался шагнуть, выйти из укрытия, увлекая за собой приятеля, когда услышал за спиной приглушенный возглас. Обернулся удивлённо.

Северак, чьё внимание также привлёк разгорающийся в центре зала скандал, вспыхнул. Произнёс мрачно:

– Вот теперь я знаю, кто со шпагой в руке поможет мне сегодня восстановить душевный покой. Вот кого я вызову на дуэль и – чёрт побери! – убью без зазрения совести.

Мориньер взглянул ещё раз на молодого человека, вызвавшего столь бурную реакцию у его друга.

– О, нет! Не советую, – улыбнулся.

– Отчего же? Я, таким образом, успокою и свои руки, которые с самого утра мечтают схватиться с кем-нибудь в хорошей драке, и свою душу, которая жаждет его смерти уже третьи сутки.

– Что он натворил?

– Он написал Шарлотте записку. Знали бы вы, что он ей предлагал!

Де Северак приготовился выйти из-за колонны.

Мориньер засмеялся тихо, удерживая его за рукав.

– Могу себе представить. И всё же...

– Промолчать нельзя!

– Хорошо, мой дорогой. Хорошо. Но тогда позвольте мне поговорить с ним. Возможно, он предпочтёт извиниться.

– Почему вы полагаете, что меня устроят его извинения?

Мориньер крепко держал его за рукав камзола.

– Остыньте, горячая вы голова! Разве вы муж вашей дорогой Шарлотте? И разве она не свободна?

– С сегодняшнего дня – нет, – пробурчал де Северак.

– С сегодняшнего дня, – повторил Мориньер спокойно. – Так вот и решите теперь, имеет ли смысл гневить короля, который, как вы помните, большой противник дуэлей, когда право впадать в ярость из-за внимания, какое оказывают любимой вами женщине, вы получили только сегодня. Поверьте мне, друг мой, гораздо правильнее будет удовлетвориться извинениями. Впрочем, если они вам принесены не будут, – улыбнулся Мориньер, уверенный, что «если», в данном случае, совершенно излишне, – я готов стать вашим секундантом. Устраивают вас эти условия?

– Да, – буркнул Северак, – но я обещаю уничтожить половину коренных жителей Новой Франции. Говорят, индейцы кровожадны? Это мне и нужно.

– Превосходно! А теперь скажите мне, та записка при вас?

– Да.

– Отдайте её мне.

Жан-Луи де Северак взглянул на Мориньера с удивлением. Достал из-за обшлага рукава сложенный вчетверо листок.

– Зачем вам? – спросил, подавая.

Мориньер спрятал письмо.

– Идите за мной, – сказал.

Мужчины стали пробираться сквозь толпу к окружённому со всех сторон Оливье де Лорансу.

Когда они приблизились, то разглядели и главный источник всеобщего беспокойства. На руке де Лоранса повисла маленькая, хрупкого вида девушка, почти ребёнок.

Она нескончаемо верещала что-то, всхлипывая. Замолкала для того только, чтобы отдышаться. Вскидывалась спустя мгновение. И снова продолжала говорить – на выдохе, долго, пока хватало воздуха в лёгких.

Северак разобрал что-то вроде: «Вы не можете... не можете со мной так поступи-и-и-ть!»

И это последнее длинное «и» чуть было не заставило его зажать ладонями уши.

Оливье де Лоранс с видом мученическим и лицом, на котором усталость соседствовала с брезгливостью, старался изо всех сил сбросить, стряхнуть с себя бьющуюся в истерике девицу. Но та вцепилась в него мёртвой хваткой.

Бесполезные усилия молодого мужчины немало веселили общество. Придворные обступили парочку со всех сторон и, казалось, только и мечтали, чтобы представление это продолжалось как можно дольше.

Появление Мориньера в момент всё изменило.

В своём строгом чёрном костюме он влился в толпу придворных, как ворон – в собравшуюся у кормушки пёструю стаю павлинов. Придворные, до тех пор переговаривающиеся, смеющиеся, сплетничающие на все лады вдруг стихли, замолчали, расступились, давая Мориньеру дорогу.

Затихла, обнаружив рядом с собой худошавую чёрную фигуру, и нарушительница спокойствия. Взглянула на мужчину, распахнула рот, будто ей вдруг перестало хватать воздуха, выпустила рукав де Лоранса. Отступила на полшага – насколько смогла.

Только тут Северак заметил, что скандальная компания состояла, отнюдь, не из двух человек. По правую руку от де Лоранса он увидел женщину, являющуюся, по-видимому, истинной причиной всей этой заварухи. Она хотела бы отодвинуться от буйствующей девицы, но плотная толпа не давала ей это сделать. Поэтому та продолжала стоять. Молчала. И на лице её алел яркий след от недавней пощёчины.

Мориньер, скользнув взглядом по пятерне, расцветшей на лице молодой женщины, кивнул ей коротко – изобразил приветствие. Перевёл взгляд на юношу, который в этот момент пытался привести в порядок одежду, перекосившуюся от жаркого натиска ревнивицы. Совсем мимолётно взглянул на скандалистку.

Произнёс по-испански короткое:

– Прочь!

Проговорил настолько тихо, что мало кто его услышал, ещё меньше – увидел едва заметное движение его губ. Только девушка, переполошившая весь двор своими криками, метнулась в сторону, расталкивая придворных. Те, впрочем, и сами стали потихоньку расходиться. Отходили, изображая неожиданное безразличие. Взялись говорить между собой о другом – о неважном, неинтересном им теперь совсем. Но другом.

Мориньер нимало не обманывался этой их капитуляцией. Видел, как, отступив на расстояние, предписанное правилами приличия, они замедляли шаг, задерживались, собирались группами. Делали вид, что теперь, когда наступила тишина, они и вовсе забыли о том, что тут только что произошло. И очень внимательно продолжали прислушиваться и приглядываться.

* * *

Оливье де Лоранс пребывал в замешательстве. Окажись теперь перед ним кто угодно другой, он обнял бы его и облобызал – в благодарность за спасение. Но граф де Мориньер, этот «чёрный человек», был для Лоранса одним из тех, кого он до сих пор неосознанно обходил стороной. Холодный, немногословный, с привычной светской улыбкой на губах и свинцовым блеском зорких глаз граф де Мориньер казался Лорансу бесконечно чужим и... опасным.

Оттого теперь, подчиняясь законам вежливости, Лоранс, разумеется, улыбнулся, поклонился, приветствуя подошедших, однако продолжал оставаться в напряжении.

Стоял перед Мориньером, как нашкодивший подросток, пойманный с поличным. Вспоминал, как метнулась в спешке юная испанка при одном только взгляде на Мориньера, как присела в глубоком реверансе вторая его пассия, как отпустил тот её, коротко поведя рукой – ступайте. Пытался сообразить, что может связывать графа с глупенькой испанской девочкой, подарившей ему, Лорансу, наслаждение, но ничем больше не заинтересовавшей его, не тронувшей его сердца. Готовился к неприятностям.

Хотя мало кто из присутствующих теперь в приёмной мог припомнить, чтобы граф де Мориньер когда-либо дрался на дуэли, все были уверены, что шпага, бьющаяся о его ноги при

каждом шаге, – смертельное оружие. Рассказывали всякие чудеса – о необычайной ловкости Мориньера, о его непревзойдённой выдержке и выносливости. Всё – в превосходной степени, всё – с восторженным придыханием. Одни сообщали, как на каком-то из турниров Мориньер победил сразу около дюжины соперников, другие вспоминали нечто совсем давнее – что-то про неравную битву его с несколькими наёмными убийцами. Что тогда спасло Мориньера – если не его ловкость и удачливость?

Если хотя бы часть этих историй – правда, – думал Оливье де Лоранс, – то Мориньер в самом деле чрезвычайно опасный противник.

Впрочем, Лоранс был уверен, что тот не станет с ним драться. У графа было множество других возможностей испортить ему жизнь.

В этот момент Лоранс с особым вниманием взялся рассматривать приятеля Мориньера – лицо того было ему знакомо, однако он никак не мог припомнить имени. Откуда-то из глубин памяти всплывала история, какой-то давний скандал. Что-то мимолётное, туманное – он не мог вспомнить, как ни старался.

Стоявший рядом с Мориньером мужчина глядел на него с очевидной неприязнью. И Лоранс подумал, что, если этого человека каким-то образом тоже касается нелепая история с маленькой испанкой, то он, пожалуй, предпочёл бы иметь дело с ним. Драться – так драться. Его величество запретил дуэли? Ну, так ловкие люди умеют обходить этот запрет.

Когда Мориньер заговорил, Оливье де Лоранс расправил плечи, вскинул голову, придал лицу выражение вежливого внимания. При этом то и дело бросал короткие взгляды на расположенного справа от него молодого мужчину.

– Вы смельчак, дорогой граф! – произнёс мягко Мориньер, и в его голосе Лорансу почудилась насмешка. – Я, как и все, наслышан о твёрдости вашей руки и проворности вашей шпаги. И всё же я чувствую себя обязанным дать вам совет, если вы, разумеется, согласитесь выслушать его.

Оливье вскинул брови, изображая непонимание.

– Та пылкая девица, – без тени улыбки сказал Мориньер, – что, похоже, осталась не слишком довольна тем, как вы с ней обошлись, – внучатая племянница седьмого маркиза Гвадалест, младшая дочь маркиза Кастельноу.

Имена эти ничего ровным счётом не сказали Оливье де Лорансу. И, поняв это, Мориньер усмехнулся – до чего ж непредусмотрительны, недальновидны эти сердцееды. Покажи им хорошенькое личико – и они забывают обо всём. А между тем, узнай маркиз об оскорблении, нанесённом его дочери, он, Мориньер, и луидора не дал бы за жизнь этого любвеобильного юнца.

– Девочке всего тринадцать, – продолжил он спокойно. – И она совсем недавно прибыла ко двору, под крыло к нашей молодой королеве. Боюсь, Мария-Терезия будет очень недовольна, когда узнает о том, что произошло с её подопечной. Девственность в Испании ценится дорого. Послушайтесь моего совета, дорогой граф, не усугубляйте вашего и без того непростого положения. Ускорьте свой отъезд.

Вспомнив о предстоящем путешествии, Лоранс нахмурился – всё одно к одному.

Тут и Северак, потеряв терпение, выступил, наконец, шагнул вперёд, вскинул голову:

– До того однако, как вы нас покинете, господин де Лоранс, я хотел бы разрешить один вопрос...

Мориньер коснулся руки Северака, остановил его:

– Дорогой мой друг, – сказал, чарующе улыбаясь, – не говорил ли я вам, что торопливость часто превращает искусство в ремесло?

Вновь повернулся к Лорансу.

– Я хотел представить вам моего друга, господина де Северака. Ведь вы не знакомы? А между тем, вас так многое объединяет, что я нисколько не сомневаюсь, что вы подружитесь.

– Что же нас объединяет, господин де Мориньер? – поинтересовался Лоранс, понимавший всё меньше.

Мориньер улыбнулся.

– О, это просто! Прежде всего – вы оба счастливы, потому что женитесь. Его величество был так добр, подобрав для каждого из вас по прекрасной невесте. Господину де Севераку наш король предложил руку мадемуазель де Вернон, вам, дорогой граф, насколько я слышал, его величество выбрал в жены чудесную девочку из семьи графа де Брассер. Разве этого не достаточно, чтобы быть счастливым? Ведь нет ничего приятнее женских объятий, в которых чувствуешь себя одновременно и воином, и повелителем. Не так ли, господа? Вы желаете со мной поспорить, господин де Лоранс? – засмеялся Мориньер, отметив кислую физиономию юноши, который, похоже, вовсе не был в восторге от навязанной ему женитьбы. – Что вы скажете, если я поручусь, что ваша невеста весьма и весьма недурна собой?

– Я скажу, что вы не можете этого знать! – пожал плечами Оливье де Лоранс, изо всех сил желая, чтобы сказанное Мориньером оказалось хотя бы наполовину правдой.

– Вот тут вы ошибаетесь, – серьёзно ответил Мориньер. – Впрочем, в этом вы скоро убедитесь. А пока вернёмся к начатому господином де Севераком разговору. Видите ли, граф, мой друг наслышан о некоторых ваших литературных трудах, и, бесспорно признавая ваш талант поэта, он склонен считать прозу несколько... ммм... слабоватой. Полагаю, вы согласитесь с этим?

Мориньер не стал дожидаться, пока Оливье де Лоранс осмыслит обращённые к нему слова, с лёгкой улыбкой протянул тому записку, которую забрал у Северака. Едва взглянув на листок, Оливье улыбнулся, облегчённо выдохнул – за эту свою промашку он готов был извиниться от всей души. Тем более, что отповедь, какую ему пришлось выслушать от Шарлотты де Вернон, всё равно не оставляла ему никаких надежд.

– О, господин де Северак! И вы, господин де Мориньер! Мне очень неловко, но я вынужден согласиться с вами, – произнёс он тоном жизнерадостным. – Более того, боюсь, мне придётся признать, что мои поэмы так же нехороши, как и проза. Осознав это и учитывая грядущие перемены, я, пожалуй, откажусь с этих пор от всяких попыток проявить себя на литературном поприще.

– Так уж и откажетесь? – вдруг захохотал Северак, которого очевидная искренность извинений неудачливого соперника неожиданно развеселила.

Граф де Лоранс улыбнулся:

– Боюсь, мне придётся, господин де Северак.

– Вот и прекрасно, – кивнул Мориньер, подумав, что теперь остаётся только решить вопрос с юной испанкой.

Если ему это удастся сделать в самое ближайшее время, то всё им задуманное – свершится.

Мориньер взял Северака под локоть. Кивнул де Лорансу.

– А теперь идёмте, господа. Идёмте. Выпьём по бутылке хорошего вина и устроим мальчишник...

* * *

Трое молодых мужчин один за другим шагнули в темноту таверны.

Мориньер прошёл к свободному столу, удобно расположенному в самом углу небольшого зала. Уселся в торце на крепко сколоченный табурет, предложил своим спутникам занять места на скамьях, размещённых по длинным сторонам стола. Смотрел с лёгкой улыбкой, как жадно вдыхали Северак с Лорансом доносившиеся от очага ароматы.

Они вдруг осознали, что не ели ничего с самого утра. Потому, когда около занятого ими стола выросла плотная, обёрнутая в длинный, плохо отбеленный фартук фигура хозяина, мужчины оживились, взялись заказывать с азартом, с жаром, едва ли не перебивая друг друга. Мориньер молчал. Ждал терпеливо, как ждёт мать-волчица, когда успокоятся, насытятся юркие, порывающиеся от смешанного с изумлением восторга, оголодавшие волчата. Наблюдал, как менялся облик хозяина таверны – от привычно-равнодушного до услужливого «чего изволите?»

С каждым последующим заказанным блюдом лицо трактирщика становилось всё более радушным. А уж когда счёт бутылкам достиг полудюжины, хозяин таверны и вовсе растаял – склонился низко, рассыпался в благодарностях и пожеланиях доброго аппетита, прислал к их столу полнотелую красавицу-дочь. Та принесла большой круг хлеба, зелень. Добавила к заказанным ещё бутылку анжуйского – от заведения. Всё толклась и толклась рядом – изображала готовность услужить господам всем, чем прикажут.

Мориньер отослал её прочь. Когда она склонилась низко, почти вывалив на стол пышные груди, он опустил ей за корсаж монету.

– Ступай, – сказал бесстрастно. – Проследи за тем, чтобы зайцы и каплуны не подгорели. Мы только голодны.

Монета, оказавшаяся серебряным эю, спасла девицу от разочарования. Выражение её лица переменялось так скоро, что Северак с Лорансом не удержались от смеха.

Мориньер ухмыльнулся – он так и думал, что они быстро сойдутся.

Когда девица отошла, опустил ладони на край тяжёлого дубового стола. Произнёс:

– А теперь, друзья мои, позвольте мне поздравить вас ещё раз.

Улыбнулся, отметив удивление в глазах сотрапезников.

– У вас счастливая судьба! Она не случайно свела вас в эти дни, ибо вам обоим его величество даровал великую честь защищать за океаном интересы Короны. Вы, господа, оба отправляетесь в Новый Свет. И я хотел бы выпить теперь за то, чтобы то время, что вы проведёте на той стороне океана, оказалось хорошим временем. И, – он улыбнулся широко, – за ваше возвращение!

Мориньер разлил по кружкам вино, поднял одну из них. Произнёс:

– Всякое начало трудно, дорогие мои, но, я уверен, сумеи вы верно распорядиться обстоятельствами, вас ждёт превосходное будущее.

Они выпили. Потом ещё выпили.

Вино было хорошим, еда – вкусной, а беседа – лёгкой.

Через полчаса новоиспечённые друзья уже с трудом могли вспомнить, что начало этого дня было отнюдь не таким мирным, как его продолжение.

Глава 6. Тот или этот?

В замке Брассер царила суэта. А с ней закономерно сочетались чудовищные беспорядок и нервозность.

Накануне гонец привёз письмо от жениха, остановившегося в соседней деревне на ночлег. Сегодня ждали его самого.

Тётушки не уставали благодарить Господа за неожиданную удачу – не будь Господь так милостив, разве могла их племянница рассчитывать на такую удачную партию? Подумать только! Их девочка выйдет замуж за человека, полжизни проведшего при дворе! Два последних дня тётушки ни на минуту не расставались, всё кивали друг другу, поддакивали:

- Ах, как замечательно!
- Да!
- Какое невероятное везение!
- Да-да!
- Кто бы мог подумать!
- Ах-ах!

Они измучили Клементину своими поучениями. Стоило попасться им на глаза, принимались поправлять ей причёску или одёргивать платье – то локон подкрутят, то лиф кверху поддёрнут, то кружевные оборки на рукаве расправят.

Клементина злилась. Из чувства противоречия притворялась, что совершенно не ждёт прибытия гостей.

Между тем Клементина знала, что гостей будет двое, и, незаметно для себя самой, переживала, как бы второй не оказался лучше первого.

Она нервничала. Корила себя за то, что загодя так обильно наградила своего жениха всеми воображаемыми достоинствами. Боялась, как бы принц её грёз не оказался на поверку холодным, жестоким чудовищем. Это было бы вполне в духе тех сказок, что рассказывала ей в детстве кормилица.

Усугубляла ситуацию графиня де Брассер. Она ходила следом за дочерью и безостановочно говорила – пересказывала Клементине всё, что успела узнать о де Лорансе от маркизы де Монтозье.

– Ах, матушка, – не выдержала, наконец, Клементина. – Оставьте это. Оставьте! За годы супружеской жизни мне достанет времени и возможностей выяснить про своего мужа всё, что следует знать жене. А может и сверх того.

Услышав вопль Клементины, отец, до тех пор старавшийся не замечать нервозности дочери, появился в дверях своего кабинета, окликнул её, поманил пальцем. Она опустила голову. Зашла, ступая осторожно, как в детстве, – ожидала заслуженной выволочки.

Он прикрыл за ней дверь. Прошёл вглубь кабинета. Обернулся. Долго смотрел на неё в молчании.

Она стояла прямо, закусив губу. Тоже молчала.

– Ты сейчас была груба с матерью, дочь, – сказал тихо. – Я хочу знать причину.

Клементина опустила голову, смаргивая слезы.

– Я попрошу прощения.

– Разумеется, – улыбнулся граф незаметно. – Но я сейчас не об этом. Я хочу знать, что тебя беспокоит? Ты передумала? Ты не желаешь выходить замуж за этого человека?

Клементина непонимающе уставилась на отца.

– Если ты изменила своё решение, если боишься покидать нас, скажи мне – и я всё отменю.

– Отмените? – Клементина подумала, что ослышалась. – Но как, отец? Неужели вы нарушите приказ короля?

– Когда речь идёт о твоём счастье, дитя, король мне не указ, – ответил тот спокойно.

Клементина бросилась к отцу, прижалась к его груди.

– Нет-нет, батюшка, я хочу! хочу! Я не передумала! Но все так радуются тому, что удачно сбывают меня с рук. Шарль смеётся, потирает ладони. Тётушки... Они боятся как будто, что, увидев меня, этот граф де Лоранс откажется жениться. Разве я нехороша? Глупа? У меня кривые ноги или испорченные зубы?

Отец улыбнулся грустно.

– Ты очень красива и очень умна. Но приданое у тебя... небогатое. Ты ведь знаешь. И мы, безусловно, очень благодарны твоей крестной за то, что она позаботилась о тебе.

Он обнял её, подвёл к стулу. Усадил.

– Я давно хотел побеседовать с тобой, дитя моё. Я редко говорил с тобой о твоём будущем. И теперь боюсь не успеть. Поэтому выслушай меня внимательно. Может статься, что больше времени у нас не будет.

Отец говорил, она слушала.

Впервые Клементина поняла, что сегодня, здесь, заканчивается её детство. И, возможно, ей не придётся вернуться домой никогда.

Осознав это, она побледнела. Старый граф, к счастью, не видел, как изменилась Клементина в лице. Стоял спиной к дочери, глядел в окно. Говорил медленно, взвешивая каждое слово. Он не хотел пугать её, но должен был предупредить, наставить, дать совет. Хотя бы совет – если не мог дать большего.

– Если тебе будет плохо, тяжело... Если жизнь покажется непереносимой, найди способ и возвращайся домой. Мы примем тебя всегда.

Он говорил и говорил. Уговаривал её не отчаиваться, не ожесточаться, помнить о них.

– Мы любим тебя, – говорил. – Ты никогда не должна в этом сомневаться.

Она не сомневалась. Слушала, не перебивала. Потом ответила:

– Не волнуйтесь, отец. Всё будет хорошо.

Он кивнул – конечно. Повернулся, взглянул на неё удивлённо.

– Ты говоришь, как взрослая.

– Если всё равно придётся взрослеть, почему бы не сделать это теперь же? – улыбнулась она.

* * *

Не о такой судьбе для своей дочери он мечтал когда-то. Родившись, Клементина принесла в дом столько радости! Кудрявой девчушкой она носилась по замку, и её голосок раздавался одновременно повсюду. Нянюшки сбивались с ног, разыскивая её по всему дому.

– Отец, я буду королевой! – твердила она. – Сам король сказал мне это!

Граф улыбнулся, вспоминая эту детскую ошибку. Им тогда пришлось приложить немало усилий, чтобы выбить из упрямой детской головки мысли, которые могли, как они считали, навредить девочке.

– Это был не король. Это был только рыцарь его свиты, – терпеливо отвечал граф де Брассер, вспоминая смуглого юношу, сидящего на корточках перед его семилетней дочерью. Слово «рыцарь» успокоило девочку. Рыцарь – так рыцарь!

Молодой вельможа, сопровождавший в числе прочих короля в его путешествии по стране, был худощав и создавал впечатление абсолютно уверенного в себе человека. Спроси кто-нибудь графа де Брассер, какое ощущение возникло у него при коротком общении с этим юношей, и Брассер бы ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.